

ПРО ЖАНДАРМА КУЗЯКИНА ПРИЗРАК НА ИСТОЧНИКАХ

Марина Василевская

Марина Василевская

**Про жандарма Кузякина.
Призрак на источниках**

«Автор»

2026

Марина Василевская

Про жандарма Кузякина. Призрак на источниках / Марина Василевская — «Автор», 2026

Он приехал лечиться от скуки. А нашел заговор, способный свергнуть Империю. Молодой жандарм Пантелей Кузякин отправлен на закрытый курорт «для восстановления нервов». Но вместо покоя его встречает бывшая фрейлина с глазами убийцы и травница, скрывающая титул графини. Сорок лет назад спасли наследника престола. Сегодня кто-то решил исправить «ошибку» прошлого. Кузякину предстоит распутать клубок лжи, где переплелись запрещенные техники управления волей, призраки царских тайн и личная драма с бывшей возлюбленной, присланной следить за ним. Здесь нет случайных встреч. Есть только те, кто знает слишком много.

© Марина Василевская, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	39
Г	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Марина Василевская

Про жандарма Кузякина.

Призрак на источниках

Глава 1

Лист оторвался от ветки и медленно начал кружить над землей. Пантелей затаил дыхание, пытаясь определить, когда желтый лист упадет на землю. Ветра, как такового, не было, прохожих тоже, а значит, листику кружить недолго: секунды 2. Но желтый проказник нарезал круги над лужей и не торопился заканчивать свой полет.

Пантелей замер, его взгляд, привыкший выхватывать детали, анализировал траекторию. Слишком равномерно для случайности. Слишком нарочито. Он окинул взглядом пространство вокруг - ни души. Но ощущение, что за этим наблюдают, не покидало. Его пальцы непроизвольно сжались, будто готовясь к действию. Жандармский инстинкт, вымуштрованный годами тренировок, шептал: мелочей не бывает.

Кузякин подвинулся ближе и провел рукой. Нет, никаких сквозняков или скрытых воздушных потоков, как и нитей, если бы кто-то вдруг решил развлечь себя подобным образом. Лист же, вопреки всем ожиданиям, продолжал кружить, проигрывая земному притяжению, но все же кружить.

Молодому жандарму надоело ждать. Он резко выбросил руку вперед и поймал желтого путешественника. Листик был обыкновенным, но смог привлечь внимание жандарма и удерживать неприлично долго. Развлечение как раз в духе целебных источников.

Пантелей Кузякин тряхнул головой. Смоляные кудри привычной волной обрамили его лицо. От нечего делать молодой жандарм решил последовать столичной моде прошлого века и отрастил волосы. Вернее, решила бывшая главная фрейлина. Старушка была на диво энергична, остра на язык и фантастически манипулировала людьми. Не всеми, а сердобольными, как Пантелей. Когда Кузякин захотел ей отказать, то она мастерски разыграла свой главный козырь - преклонный возраст и хрупкое здоровье (а иначе почему она безвылазно живет на источниках?). Бывшей фрейлине было лет 70. Агриппина Ивановна быстро взяла в оборот скучающего жандарма, но меру знала и определенных границ не переступала. То, что старушка скучала, Кузякин понимал, но вот насколько сильно и жестко, узнал сегодня, как и то, что ощущение меры у фрейлины весьма размытое.

Он снова посмотрел на завитой локон. Опыт общения с щипцами для завивки он повторять не собирался никогда в жизни. Сначала Пантелей готов был сломать Агриппине «божий одуванчик» руки за подобное самоуправство. Мысленно, но все же... старушка не дрогнула. Прищурившись, она хмыкнула и повязала на завитую мужскую голову шелковый платок, подарок самой императрицы.

- Вот тебе, сокол. Походи в нем.

Затем она задумчиво пожевала губами и выдала:

- Вид у тебя паршивый.

Жандарм раздраженно выдохнул, но старушка удивила.

- Выглядишь в платке ты еще хуже, как красавец пират из женского романа. Посиди в саду до темна, а то девицы, завидев тебя, в обморок начнут падать и прямоком на руки, стараясь декольте засветить. - Она указала пальцем на платок. - А его после вернешь.

То, что местные девицы были не моложе 50, ее не смущало. Даже обслуживающий персонал был не младше. Оно и понятно, молодым хотелось ощущать пульс жизни, участвовать в каких-то делах, а на источниках опадающие листья и те имели более насыщенную жизнь.

Кузякин, попавший сюда по непонятной прихоти императора, изнывал от скуки первую неделю, рвался на «большую землю», писал всем, телеграфировал Беркендорфу, а потом примирился с диагнозом «повышенная возбудимость» и неопределенным сроком лечения. Агриппина Ивановна была старожилом и легендой курорта. Она знала всех и вся. С ней уважительно здоровались и старались побыстрее убратъся из ее общества и не попасть «мегере» на язык. Кузякин в виду своего молодого возраста одним своим присутствием вносил диссонанс. Его сторонились тоже. На том они с бывшей фрейлиной и сошлись.

Пантелей окольными путями отправился в самый глухой уголок сада. Любопытство снедало его. В памяти всплыли картинки детства из женского журнала, который матушка брезгливо называла «розовые сопли», но продолжала выписывать. На них был изображен статный красавец брюнет с роскошной гривой волос, которые перехватывала изумрудного цвета косынка на голове. Пират вызывал восхищение. Добравшись до места и убедившись, что его никто не видит, Кузякин достал небольшое зеркало. Бывшая фрейлина была права: выглядел он паршиво. Завитые волосы топорщились пружинками, какие-то были пересушены и даже сожжены щипцами, имели инородный и хаотичный вид. Если бы кто и упал в обморок от вида жандарма, то только из жалости или смеха.

Пантелей издал шипящий звук на грани слышимости. Его снова облапошила 70-летняя интриганка! Захотелось ей поразвлекаться, щипцами пользоваться не умеет и решила испробовать на нем. И как она свои седые кудельки укладывает? Видимо, к цирюльнику бегают.

Вид воображаемой Агриппины Ивановны, резво семенящей в цирюльню, рассмешил жандарма. Молодой человек сорвал со своей головы платок и засунул его в карман. Дождаться ужина в таком виде он не станет. Он быстро осмотрелся и обмакнул руки в луже. Завитые пружинки распрямляться не хотели, но этого и не требовалось. Кузякин обмазал руки в грязи и методично зализал волосы назад.

В единственной на весь курорт цирюльне его приняли без слов. Быстро выполнили заказ и отпустили с миром без лишних расспросов. На ужин жандарм явился с коротко подстриженным затылком и спадающей челкой на один глаз.

- Вид лихой и разбойный, - прокомментировала бывшая фрейлина. - Ты, сокол, решил в ловеласы податься? Так здесь ловить нечего. Престарелые матроны и матери семейства.

Пантелей улыбнулся ей ослепительной улыбкой.

- Доброго вечера, Агриппина Ивановна.

- Шельма, - восторженно прошептала фрейлина и замолчала.

Ужин проходил в непривычной тишине. Окружающие настороженно молчали, Пантелей хищно улыбался, а «божий одуванчик» благообразно поглощала суп-пюре из цветной капусты и не поднимала глаз от тарелки. После привычного уже желейного десерта и чашки травяного чая молодой жандарм вытер салфеткой уголки губ. Это послужило сигналом для массового бегства из столовой. Удивительно, как быстро могут передвигаться люди, которые еще недавно уверяли, что в их возрасте даже неспешный шаг - это уже скорость.

Бывшая фрейлина привычно ворчала вполголоса на повара, который не выдавал на десерт ничего, кроме «сиропного холодца». Агриппина Ивановна покидала столовую последней.

Что-то было не так. Кузякин, уже было собравшийся уйти к себе, замер у двери. Его взгляд скользнул по удаляющейся спине Агриппины Ивановны. Походка... Да, вроде бы привычная, чуть вразвалочку, но сегодня в ней проскальзывала едва уловимая скованность, будто она через силу заставляет себя двигаться. Или это ему показалось? А может, дело в легком, едва уловимом шлейфе горьковатого дыма, который он уловил, когда она проходила мимо? Не

табачного, а другого, с примесью чего-то, словно тледа пропитанная чем-то ткань. Это было мимолетно, почти призрачно, но его жандармская "чуйка", та самая, что не раз спасала ему жизнь, зашевелилась, посылая тревожный сигнал.

Пусть Кузякин был на нее зол, но не проследить, чтобы старушка дошла до своих апартаментов, не мог. Пантелей ругал себя за излишнюю порядочность и уговаривал, что фрейлина переживет их всех, но внутренний голос настойчиво твердил: "Следуй за ней". И он все же шел следом по коридорам и скрывался за кадками с фикусами. Кадки были щедро расставлены вдоль всего пути следования. Растения чувствовали себя в них комфортно, оттого и произрастали в них буйно, что давало хорошую возможность следовать за объектом без особых усилий.

Его движения были бесшумны, дыхание ровно. Он сливался с тенью, как его учили: одна нога здесь, другая там, сознание, разделенное на наблюдателя и действующее лицо. Он отмечал ритм ее шага, малейшие вздрагивания плеч, угол поворота головы. За очередным поворотом жандарм услышал странный шум. Бывшая фрейлина лежала на полу и неуклюже дергала ногой. То, что старушка не притворяется, Кузякин понял не сразу, лишь после того как рассмотрел ее землисто-серый цвет лица.

- Должна поправиться. - Лекарь собирал в кожаный чемоданчик свои инструменты. - К утру будет ясно.

Пантелей впился требовательным взглядом в уставшее лицо врача. Но эскулап покачал головой и добавил.

- Что вы хотите? Возраст. Но если вы беспокоитесь, посидите с ней. Сиделка придет не раньше полуночи.

Брови жандарма взлетели вверх в немом изумлении.

- Сегодня грязевые ванны, - пояснил лекарь.

- И?

Мужчина потер переносицу.

- Ах да, вы же не в курсе, - он устало выдохнул. - В этот день сиделки помогают нашим пациентам заходить и выходить из купели. Люди все пожилые, а там скользко. Поэтому, чтобы избежать переломов и вывихов, которые лечить и выхаживать нам, сиделки и весь медперсонал на ваннах.

Кузякин нервно передернул плечами. Лекарь ему несколько раз повторил, что и как делать, и заверил, что это не в первый раз с бывшей фрейлиной. Но избавиться от гнетущего ощущения не смог.

- Заходи, сокол, - донеслось до него из спальни.

Агрипина Ивановна лежала на подушках и криво усмехалась.

- Разговор есть.

Молодой жандарм недоверчиво прищурился. Цвет лица у старушки не поменялся, но голос... в голосе появились командные нотки. Да и вообще, вся бывшая фрейлина вдруг утратила зефирность. Перед ним лежала старая женщина, с жесткими складками вокруг рта, которая смотрела на него прямо и уверенно.

- Вы... вы это симулировали?

Агрипина Ивановна засмеялась старческим каркающим смехом, который перешел в кашель.

- Нет, - выдохнула она после стакана воды, который подал ей жандарм. - На этот раз нет. Дражайший Силуан Никифорович считает, что это возраст. Да только я знаю, что нашли меня.

Она провела пальцами по рамке кровати. Ловким движением она вытащила сигарету. Пальцы были морщинистыми, но без старческой узловатости. А еще они были коротки и толстыми для аристократки. Старушка хмыкнула.

- Поэтому я всегда ношу перчатки. - Отточенным движением она высекла искру из небольшой зажигалки и с наслаждением затянулась. - Молчи, сокол.

Пантелей послушно молчал. Фрейлина курила и делала это с особым наслаждением. Так курят люди, вынужденные скрывать свою привычку или... острая как бритва мысль поразила Кузякина.

- Нет, - медленно произнесла она. - Я не при смерти... пока. И не больна раком. Что, сокол, удивлен? Твои размышления написаны у тебя на лбу.

Она затушила сигарку и расправила оборки чепчика.

- Влетит мне от Николлеты, да и ладно. Платок, - она требовательно протянула руку. - Ты в курсе, что это за платок?

- Вам его подарила императрица.

- Верно. А за что?

Пантелей пожал плечами. Какая разница? Он об этом не задумывался.

- Ты же был тенью, - криво усмехнулась старушка. - Должен понимать, что знак внимания - это не просто так. Их выдают, чтобы показать окружающим о твоём особом положении.

Кузякин опешил. Как она могла знать про то, что он был тенью?! Может, в его медицинской карте или личной карточке было написано? С этим надо было разобраться. Про платок он подумал вскользь.

Агриппина Ивановна закашляла. На этот раз приступ был сильнее и дольше.

- Нет времени ходить вокруг да около, - прохрипела бывшая фрейлина. - Меня хотят убить. Скорее всего, отравить или придушить потихоньку. Тебе надо найти Николлету. - Она резко притянула его к себе и на грани слышимости прошептала в самое ухо. - Речь идет о государственной безопасности. Найди Николлету Шаридаз. Она где-то здесь.

Бывшая фрейлина снова зашлась в кашле. В перерывах между приступами она успела проговорить «срочно», «до утра» и «беги». Сиделка пришла именно в этот момент, выпроводила молодого жандарма из спальни, и вскоре старушка затихла, погрузившись в целебный сон. Немолодая женщина с измученным выражением лица вежливо, но твердо попросила жандарма покинуть покои дамы. До Пантелея не сразу дошло, что сиделка имеет в виду. От абсурдности заявления ему захотелось рассмеяться.

- И все же, прошу Вас покинуть комнаты. Да, я понимаю, но этикет и правила высшего света никто не отменял. Агриппина Ивановна незамужняя женщина, а вы неженатый мужчина. Спасибо вам за помощь и спокойной ночи. Утром я вам сообщу о ее самочувствии.

Перед Кузякиным закрылась дверь, в которую он нервно рассмеялся.

Глава 2

Пантелею нужно было подумать. Велик был соблазн оставить все как есть до утра, но... странное щемящее чувство в груди заставило его действовать. Он достал блокнот и начал систематизировать информацию. «Агриппина Ивановна. Приступ? Отравление? Угроза убийства. Столыпина назвала всего лишь имя: Николлетта Шаридаз. А еще старая интриганка узнала, что он был тенью. Именно был, а не обучался. Даже Носков и шеф полиции Горска не знали об этом. Граф Беркендорф молчал. Так откуда могла знать бывшая фрейлина о его короткой карьере тени? Ключевые вопросы: 1) Откуда ей известно о "тени"? 2) Кто и зачем хочет ее убить? 3) Кто такая Николлетта Шаридаз и как она связана с бывшей фрейлиной?

Он углубился в заросли. Если отбросить ненужные метания и довериться интуиции, то Агриппина Ивановна вызывала в нем непонятное и скрытое восхищение. Благодаря ему, он позволял ей мелкие вольности. А еще она была умна, скрывала свой ум под сарказмом и цинизмом. Но ее сегодняшнее поведение... она была похожа на генерала перед последним сражением, в негативном исходе которого он уверен.

Кузякин тряхнул головой. Выстриженный чуб скользнул по щеке. Николлетта Шаридаз. Почему бывшая фрейлина дала только имя? Уверена, что этого достаточно?

Единственной пищей для ума молодого жандарма был местный архив, где он провел достаточно часов, изучая списки персонала и пациентов за последние годы. Николлеты Шаридаз среди них не было. Значит, она не сотрудница и не постоянная пациентка. Возможно, она живет в городке при курорте. Утром он отправит запрос через телеграф в городскую управу.

Молодой жандарм завернул за угол. "Она где-то поблизости" - значительно сужало круг поисков. Поблизости с курортом на целебных источниках был крошечный городок. Обслуживающий персонал приезжал оттуда на заработки. Медперсонал жил на курорте круглый год.

Впереди показался бок административного здания.

- Добрый вечер! - негромко поздоровался он с дежурным.

- Кареты и повозки разобрали все, - окинув его скучным взглядом, сообщил мужчина в фирменном кителе.

Пантелей приподнял брови.

- На грязи едут в каретах и повозках? - не поверил он.

- Угум, - подтвердил дежурный, - а с грязи потом в ресторацию. Сегодня же четверг. В ресторации живое представление. Вот повозки с каретами загодя и разобрали.

Он поднял глаза на жандарма.

- Первый раз здесь? Оно и видно. - Дежурный тяжело вздохнул, решая для себя какую-то дилемму.

Он пожевал губами, снова посмотрел на Пантелея и вышел из-за стола.

- Пойдем. Ты парень молодой, доскакать сможешь. Только потом верни. Хоть через неделю. Хоть через две, но верни!

Кузякин ничего не понимал, но следовал за дежурным. Его развернули перед стойлом, в котором мирно жевал сено ишак.

- Вы это серьезно?

Дежурный флегматично пожал плечами.

- Можешь не брать. Но до завтра до полудня ожидать транспорт не стоит.

- Это еще почему? - между делом удивился Пантелей. Ишак был спокойным и не обращал на них внимания. Жевал себе сено, даже ушами не стриг. - Они же на грязи поехали. Все равно к ночи вернутся.

Дежурный хмыкнул.

- Говорю же тебе, в ресторацию отправились. Шампанского выпьют, песни орать будут. Потом по городу скачки устроят. Кто-то обязательно свалится в грязь. Его все дружно будут вытаскивать, потом кто-то застрянет. Приедут поздно ночью. Лошади и кареты укатанные...

Кузякин медленно кивнул.

- Понятно.

Все как всегда. Высший свет даже на целебных источниках оставался верен своим привычкам.

- Ты, парень, не суди их так скоро. - Неожиданно вступился за них мужчина. - Шампанского они пьют мало, да и скачки это так... название одно. Они же все на государственной службе были, дела великие решали, а тут их как в мешок кинули, повязав по рукам и ногам. Лечатся они старательно, дабы побыстрее отсюда уехать. Да кто же их отпустит? Хочется им почувствовать пульс жизни. Вот и балуются. В городе к этому привыкли давно. Да и шумят они мало, быстро заканчивают. Больше времени на вытаскивание кого-нибудь из грязи уходит.

Пантелей хотел было спросить, но дежурный вручил ему повод.

- Если едешь, то едь сейчас. Дорога одна -не заблудишься. Не давай ему есть, а то помрет.

Уточнять, от чего помрет сие транспортное средство, мужчина не стал. Подождал, когда молодой жандарм залезет в седло, и шлепнул хворостиной бок животного. Ишак послушно побежал вперед, но метров через пять начал сбавлять скорость.

- Хворостиной его подгоняй! - напутствовал его дежурный.

С гибким прутиком дело пошло быстрее. За каких-то час и сорок минут они добрались до городской окраины. Зад отчаянно был отбит, спина болела от непривычной посадки, ноги пришлось подгибать, чтобы не задевать землю или кусты. Каждый раз, когда длинные ноги Кузякина доставали землю, флегматичный ишак воспринимал как команду остановиться. Но все-таки они доехали. Осталось только найти таинственную Николлету.

- Кто идет? - раздался голос в темноте.

- Я еду, - поправил вопрошающего Пантелей, усиленно вертя головой.

Никого поблизости не было, даже захудалого деревца или холмика, за которыми можно спрятаться. Только дорога.

- Вижу-вижу. Припозднившийся с источников... - прокомментировал некто невидимый, сопровождая свои слова скрипом пера о бумагу.

- А вы где? - не вытерпел молодой жандарм.

- Тут я. А чего ты на Ипполите?

Кузякин гневно выдохнул.

- Какой еще Ипполит?!

- Так ишак твой, - милостиво пояснил невидимка. - На представление спешишь?

- Не знаю, - буркнул Пантелей. - Я впервые здесь. Вы можете проявиться? Неприятно разговаривать с воздухом.

Некто хмыкнул и перед взором жандарма появилась сторожевая будка. В большом окне был виден стол, стул, сидящий на нем седоусый мужчина и журнал регистрации.

- А как это? - изумился Кузякин. - Это же...

Сторож снова хмыкнул.

- Посмотрел и будешь. Если в ресторацию, то с площади направо. Если на грязи, то ты проехал поворот. Если не знаешь куда ехать, то выбирай быстро. Мне в журнал написать надо.

Молодой жандарм во все глаза уставился на седоусого. Это же технологии тени! Но сторож не только сам становится незаметным, он еще и будку таковой делает! Это же... это же... Дальше Кузякин оборвал свои размышления.

- Что посоветуете? - вежливо спросил он.

- Сегодня в ресторации представление. Там артисты поют из столичного театра. У фонтана сейчас пусто, никого нет. Если бы днем приехал, то в лавку к Николлете заглянул, но она закрыта.

Пантелей мысленно сделал стойку, но внешне проявил лишь легкое удивление.

- А зачем к ней в лавку?

Седоусый снова хмыкнул.

- Мази и крема у нее чудодейственные. Вот все к ней и едут. Ну раз без надобности... так что писать?

Кузякин махнул рукой.

- Пишите ресторация.

Сторож кивнул и заскрипел пером.

- Попробуй их пироги с рыбой, - посоветовал он на прощание.

Ехать на Ипполите в городе казалось кощунством. Хорошо, что праздно шатающихся по улицам не оказалось. Немного подумав, молодой жандарм решил никуда не сворачивать и ехать в указанном направлении. Во-первых, лавка искомой Николлеты закрыта. Во-вторых, это может оказаться совсем не та Николлета. В-третьих, сторож-тень, записывающий всех прибывающих и убывающих из города, наводил на определенные мысли.

В единственной ресторации города горели все окна. Невозмутимый швейцар взял Ипполита за уздцы и отвел в конюшню, передав молодому человеку щетку для одежды. Так что входил Пантелей в ярко-освещенный зал ресторана чистым. Его появление совпало с началом выступления и осталось для широкой публики незамеченным. Из-за колонны, которая стояла в центре, вдруг вышли маленький плюгавый мужичок и внушительных размеров матрона. Где-то Кузякин видел их, но не мог вспомнить где.

Мужичок сел за рояль, который умело скрыли за колонной. Внушительная дама сцепила руки на животе, будто поддерживала необъятную грудь и сделала одухотворенное лицо. За мгновение до того, как она открыла рот, Пантелей их вспомнил: примадонна столичной оперы и маэстро-виртуоз игры на фортепьяно. На их выступления всегда были аншлаги, купить билет было проблематично. А тут в провинциальном городке, далеко от столицы, бесплатно в ресторации... Кузякин начал методично сопоставлять все факты. Ему не хватало информации, но и того, что было... в военном училище ходили слухи, что Беркендорф для своих людей выхлопотал особое место на пенсии. Курсанты: будущие жандармы и тени рассказывали эти байки со смехом: мол, учись хорошо, станешь своим человеком для графа и тогда спокойная пенсия обеспечена! Никто не верил в эти сказки, а они оказались не такими и сказками. Если столичные звезды приезжают сюда давать концерт, значит, за это хорошо платят. Оплата не всегда бывает в золоте - услуги, рекомендации, протекция.

Кем же является Николлета Шаридаз, если поселилась в закрытом городке?

В зале было слышно лишь пение примадонны и ее аккомпаниатора. Зал будто замер и забывал дышать. Кузякин и сам не понял, как оказался за маленьким столиком и перед ним появилось меню. Он молча тыкнул пальцем в строку с пирогом. Официант бесшумно ушел выполнять его заказ. Вскоре зал разразился бурными аплодисментами.

- Не любитель оперы? - послышался чей-то голос.

Пантелей повернулся, чтобы рассмотреть спрашивающего. За соседним столиком, таким же миниатюрным, как и его, сидела немолодая женщина. Волосы ее были убраны в аккуратный пучок, но пара прядок выбивались на затылке. Одета она была просто, но со вкусом. А главное - это пальцы. Длинные, красивые, но в мозолях и с пятнами чего-то зеленого.

Женщина хмыкнула.

- Сок травы. Ничем его не вывести. Но вытяжка из растений - основа моих кремов и мазей. Вы здесь впервые. Что привело в наш чудесный закуток? - без переходов спросила она с нескрываемой иронией.

Пантелей открыл рот, но перед ним появилось блюдо с небольшими пирожками на два укуса и чайник, от которого шел душистый пар. Женщина кивнула и потеряла к нему интерес. Еще через мгновение артисты продолжили свой концерт.

Пироги таяли во рту, а чай с душистой травой отлично дополнял их. Жандарм пытался есть медленно, но проглотил угощение за раз. Ему послышалось хмыканье с соседнего столика, но когда он повернулся, перед ним возник официант с вторым блюдом пирогов. Вторую порцию он жевал куда как медленнее и прочувствовал весь вкус. Примадонна и пианист-виртуоз продолжали развлекать публику. Даже далекий от оперы Кузякин был впечатлен. Боковым зрением он заметил движение за соседним столиком. Женщина собиралась уходить.

- Я... - начал было он, но вспомнил, что за пироги не оплачено.

Официант появился также бесшумно. Протянул ему счет, дождался денег и вежливо кивнул.

Выбегая из ресторации под громкие аплодисменты, Пантелей вертел головой. Где теперь ее искать? Женщина стояла у крыльца и кого-то гладила.

- Вы из лавки? - спросил ее в лоб Кузякин. - Из лавки Николлеты?

Женщина приподняла бровь, продолжая молча рассматривать его.

- Мне срочно нужна мазь от кашля. Одна моя знакомая рекомендовала вашу мазь! - вдохновенно врал он.

Молодой жандарм почувствовал на себе ее оценивающий взгляд.

- Вы не похожи на человека, страдающего кашлем.

- Так это для нее! Ей стало плохо вечером... - он запнулся, не зная что говорить.

Глупо надеяться, что Николлета Шаридаз сходу проникнется важностью вопроса и победит вслепую за ним. Да и транспорт его - ишак. Объяснить, опять же... тут были сложности. Кузякин и сам не до конца понимал, что им двигало. Он доверился чутю.

Женщина хмыкнула.

- Что же вы по ресторациям разъезжаете, если вашей знакомой плохо?

Пантелей вздернул подбородок и изобразил оскорбленную невинность. Благо примеров для копирования у него было много.

- Меня выставили вон, заверив, что с ней все будет хорошо.

- Тогда чего суету наводите? - лениво поинтересовалась она.

- Хороший вопрос. Осталось решить: доверять стоящей перед ним женщине или нет?

- Потому что беспокоюсь за Агриппину Ивановну, - тихо и без пафоса признался он.

Пальцы, окрашенные соком травы, на мгновение дернулись и продолжили гладить шерсть кота, который пристроился на перилах.

- Лавка закрыта, приходите завтра, - все тем же ленивым тоном произнесла она.

В голове жандарма проносились варианты ответов, разные линии поведения, он просчитывал наиболее результативный. Ничего более умного, чем стоять и хлопать глазами, он не мог придумать.

- Простите, - он опустил глаза. - Просто я подумал, раз вы здесь... еще раз приношу свои извинения.

Он сделал неуверенный шаг в сторону, словно вспоминал, куда увели его транспортное средство. А действительно, куда? Он напряг слух, может, Ипполит вскрикнет или всхрипнет? Но вместо ишачьего ржания различил едва заметную усмешку.

- Так и быть. Отпущу вам мази лечебной.

В груди разлилось облегчение.

Он понимал, что действует вслепую, но другого выхода не было. Эта женщина - его единственная зацепка. И ее реакция на имя "Агриппина Ивановна" была слишком красноречивой.

Глава 3

- Старая интриганка! - хмыкнув, поприветствовала Агриппину Ивановну Николлета.

Та не осталась в долгу и со сладкой улыбкой прошипела:

- Швабра лохматая!

Кузякин с большим интересом наблюдал. Между ними пробежала не просто брань, а что-то глубже - давняя, выстраданная близость, пронизанная общей болью. Они смотрели друг на друга, и в их взглядах читалась не только привычная ехидство, но и тихая, затаенная грусть о жизнях, которые им пришлось оставить, о женщинах, которыми они могли бы стать, не будь на их плечах тяжелого груза чужой тайны.

- Ну и где тебя на этот раз угораздило? - спросила Николлета, и в ее голосе прозвучала усталая нота, словно они играли в эту опасную игру уже много десятилетий.

- Да там, на повороте у фикуса, - отмахнулась Агриппина, но в ее глазах мелькнула тень.
- Уснула на ходу, наверное. Возраст.

- Возраст у нас у обеих, Рипа, а дури - только у тебя, - покачала головой Николлета, и в этом жесте была странная нежность.

Пантелей, глядя на этих двоих привычно анализировал. У госпожи Шаридаз оказался свой транспорт, на котором они домчались до лавки за 10 минут. Она задала пару вопросов, вручила банку с мазью и сама села на козлы. Ипполит покорно бежал сзади, привязанный к карете. Неслись они знатно, но Пантелея не оставляло ощущение, что добирались они какими-то другими путями, скорее даже тропами. Каждая ямка, каждый бугорок, коих было предостаточно, он ощутил своим филеом. Теперь указанная часть тела мстительно ныла.

- Ты помирать собралась, что ли? - без лишних эквивоков продолжила Николлета.

- Не дождешься! - прохрипела бывшая фрейлина и неожиданно зашлась в кашле.

Госпожа Шаридаз нахмурилась.

- Чем тебя местный эскулап пользовал?

Агриппина махнула рукой, мол, отстань.

- Я говорю, - заорала вдруг Николлета, - чем тебя лечили, тетеря ты глухая!

Пантелей вздрогнул. Такого от престарелой травницы он не ожидал. Зато ор оказал волшебный эффект на бывшую фрейлину. Та перестала надрывно кашлять и лишь возмущенно раздувала ноздри.

- Ты... - злобно шипела она, - ты... ты оповестила своим ором всех в округе.

- Конечно, - спокойно согласилась женщина. - Сейчас эскулап прибежит и быстро расскажет свои методы лечения. От тебя в этом деле толку нет.

В коридоре послышались шаги и вскоре дверь распахнулась, явив присутствующим местного врача - Силуана Никифоровича.

- Что происходит? Почему посторонние в комнате больной?

Николлета хищно улыбнулась.

- Почему же посторонние? Все свои, - и она снова улыбнулась.

От ее улыбки по спине жандарма пробежал табун беспокойных мурашек.

- А вы собственно кто? - опомнился врач.

- Седьмая вода на киселе, кровь не водица.

- Не понял.

- А что понимать, уважаемый? - улыбка сползла с ее лица так же быстро, как и появилась.

- Ты зачем, охламон, ей отхаркивающее прописал? - гаркнула Николлета. - Чтобы она свои легкие выплюнула?

- Позвольте!

- Не позволю! - она смерила его презрительным взглядом. - Понаберут неучей, которые аллергию от бронхита отличить не могут.

Силуан Никифорович раздувал свои ноздри.

- Выйдите вон, иначе я позову охрану.

- Кого это? - развеселилась Николлета. - Трофимыча с радикулитом или Богдашку с тремором? Оба запойные. Дыхнешь, они и посыпятся.

Взгляд врача заledenел. Он медленно выпускал воздух через ноздри.

- Я сам вас выведу из комнаты, - с нажимом на каждое слово, произнес он. - Сил хватит. И придержите свой поганый язык.

- Что, правда глаза колит? Событьишников выгораживаешь, чтобы они помогли тебе?

Эскулап сжал челюсти и схватил Николлету за локоть.

- Вам пора, - сквозь зубы сказал он.

- Отпустите даму, - тихий голос Пантелея произвел оглушительный эффект. Врач перестал сжимать челюсти и буравить пожилую женщину презрительным взглядом.

- Уйдите, юноша. Вы не знаете, во что вмешиваетесь. Это не дама!

- Отпустите даму, - с нажимом повторил Кузякин.

Пальцы Силуана Никифоровича разжались.

- Вы же жандарм! - в его глазах плескалась обида. - Вы должны защищать мирных граждан, а не наоборот.

- Именно этим я и занимаюсь, а вы распускаете руки.

- Вы не понимаете! - воскликнул он. - Она обвинила бездоказательно двух людей в том, что они не делали никогда! И Максим Трофимович и Богдан - они солдаты. У одного спина сорвана и позвоночник поврежден после сражения, а у второго контузия! Они по кусочкам собирали себя и свою жизнь, учились жить со своими травмами, а она про них такое!

Пантелей кинул взгляд на женщин, травница с интересом наблюдала за ними, в ее глазах был интерес и ни капли раскаяния. Бывшая фрейлина хранила молчание и с не меньшим интересом следила за ходом разговора.

- И Агриппина Ивановна отнюдь не страдает аллергией! Да, я назначил ей отхаркивающее, чтобы вывести из легких ту гадость, которой она успела надыхаться.

Он спал с лица. Проболтался, понял жандарм.

- Что за гадость? - тихо спросил он, уводя врача в сторону.

Силуан Никифорович мотнул головой.

- Я не имею права... -

Под пристальным взглядом Кузякина его плечи согнулись. Он обреченно вздохнул и смешно зажмурился.

- Какой-то токсин - сдался он. - Если его долго вдыхать, он парализует легкие.

Кузякин выгнул бровь. Вот так так! Источники оказывается совсем не сонное болото.

- Рассказывайте.

Пантелей слушал внимательно, сверяя каждое слово врача с личными выводами Агриппину Ивановну отравили дымом. Каким - не известно, но на платке, в который кашляла бывшая фрейлина, был обнаружен тот самый токсин. Почему дым? Потому что токсин растительного происхождения и вызвать подобную реакцию способен только в газообразной форме. Если бы токсин, или по-простому яд, добавили в питье или еду, эффект был бы убийственным. В прямом смысле слова. Насторожило местного лекаря, что еще парочка пациентов обратились к местному эскулапу с похожими симптомами, но в гораздо более легкой форме. Оказывается, Силуан Никифорович полночи провел в лаборатории, а не в своей кровати, пытаясь распознать, что же свалило Агриппину. Все сходилось. Это было покушение, а не несчастный случай. И способ указывал на профессионала, знающего слабости жертвы и умеющего оставаться в тени.

- Вам надо отдохнуть, - деловито сказала Николлета.

Она преобразилась. Перед мужчинами стояла пожилая подтянутая женщина с пронизательным взглядом. В ней ощущалось благородство. Перемена была разительной.

- Где результаты анализов? В лаборатории? Тогда несите их сюда. И по другим пострадавшим тоже. И не задерживайтесь, чтобы ни случилось.

Врач безропотно кивнул и вышел.

- Теперь ты, - она повернулась к молодому жандарму. - В повозке под сиденьем есть ящик, под ним люк. Вытащи оттуда холщовый сверток и неси сюда. Одна нога здесь, другая там.

Кузякин кивнул. В ее тоне не было места возражениям. Это был приказ человека, привыкшего командовать в критических ситуациях. И в этой властности вдруг ясно проступили черты другой женщины, которую он видел недавно на пожелтевших страницах архивных дел.

Вернулся Пантелей скоро, а вот Силуана Никифоровича еще не было.

- Давай сюда. Если эскулап не войдет в эту дверь через минуту, начнем без него.

Она быстро развязала холщовый сверток. В руках оказались маленькие стеклянные флаконы.

- Воды, - бросила она в сторону.

Несколько капель в стакан из одного флакона, пара из другого и одна крохотная капелька из третьего. Николлета Шаридаз действовала быстро. Во всех ее движениях была какая-то отточенная грация. Ничего лишнего или наносного.

Кузякин наблюдал за ее руками – эти пальцы, точно знавшие и бальные перчатки, и жесткую узду лошади, и теперь – хрупкие стеклянные флаконы с противоядиями. Сколько жизней ей пришлось прожить? И какая из них была настоящей?

Она подняла глаза на бывшую фрейлину.

- Сейчас будет плохо.

Агриппина Ивановна побледнела, но коротко кивнула.

- Ты, - и снова кивок в сторону жандарма, - держи ее. Как хочешь держи, но она не должна брыкаться.

Пантелей в ужасе посмотрел на лежащую в постели женщину.

- А как? - вырвалось у него.

- Хоть залезай и садись сверху, - медленно и зло проговорила Николлета.

От кровати послышался смешок.

- Не дрейфь, сокол! Разрешаю залезть на меня. Я не стану требовать жениться.

Все это разозлило Кузякина. Он несколько раз глубоко вдохнул, примеряясь, как лучше зафиксировать лежащую женщину.

- Добро, - похвалила его госпожа Шаридаз и начала вливать в открытый рот бывшей фрейлины свою смесь. Сначала та пила добровольно, но потом начала дергаться. Пантелею пришлось навалиться на нее, чтобы удержать немалых объемов и веса женщину. С него катил градом пот. А Николлета продолжала вливать и удерживать рот Агриппины открытым.

- Пей все, Рипа, пей до дна! Не смей сдаваться! - тихим шепотом приговаривала она.

И в этом шепоте неожиданно слышалась не команда, а отчаянная просьба. Словно она боялась потерять последнего человека.

Наконец последние капли были влиты.

- Теперь держи!

Пантелей рефлекторно напрягся. Что значит «теперь держи»? А до этого он что делал?! Как оказалось, вовремя. Тело бывшей фрейлины стало биться в судорогах. В этот момент двери распахнулись и вошел взъерошенный врач.

- Таз, быстро! - крикнула ему Шаридаз.

Благо рефлексы эскулапа были на высоте. Он бросил все бумаги на кресло.

- Задержите дыхание и не дышать рвотными массами! - приказала Николлета.

Сначала она обернула чистую тряпицу вокруг своего носа, затем проделала тоже с мужчинами и только потом разрешила дышать.

Рвало Агриппину Ивановну долго. Каждый раз вынося таз, Николлета заставляла открывать окна и мыть все с щелоком. Когда на горизонте заалела тонкая полоска зари, Пантелею было все равно. Он был измотан. Бывшая фрейлина то ли спала, то ли пребывала в обмороке. Силуан Никифорович с красными от усталости глазами щупал ее пульс, слушал дыхание.

Кто-то ткнул жандарма в плечо.

Николлета была уже на выходе.

- Ты едешь со мной, - безапелляционно сказала она.

- Вот еще.

В ответ госпожа Шаридаз пожала плечами и вышла. Пантелей слышал ее легкие шаги, она что-то искала. Затем перед его глазами появилось письмо.

- Я буду в лавке.

Ушла Николлета так же внезапно, как и появилась.

Кузякин несколько минут смотрел на плотный конверт - им овладела апатия. Читать не хотелось. Выбросить не давало любопытство. В конверте могли скрываться как тайные сведения о прошлом бывшей фрейлины, так и схема приема настойки из трав или, что еще хуже, расписание влажной уборки. Одно он знал наверняка - не сейчас.

- Вам, молодой человек, пора спать.

Лекарь выглядел неважно: запавшие от бессонной ночи глаза, сероватый оттенок кожи и взлохмаченные волосы.

- Вам в первую очередь, - возразил Пантелей.

Силуан Никифорович потер глаза.

- Надо, но сначала дождусь сиделку. В комнате при лазарете надо навести порядок, - он посмотрел на Кузякина и несколько раз моргнул. - Я торопился... Простите. Да. Вы правы. Идите спать.

Пантелей вспомнил расположение лазарета и перехватил лекаря и вручил ему свой ключ.

- Вот. Это быстрее. Там кушетка стоит. Поспите нормально. Я дождусь сиделку.

Силуан Никифорович несколько секунд смотрел на ключ, словно не понимал, и потом, послушно кивнув, ушел.

Дождавшись сиделку, молодой жандарм смог наконец-то уйти. Где-то в коридорах были слышны голоса. Это персонал санатория шел на утреннюю смену. Письмо лежало в кармане. В номере на кушетке спал лекарь. Спал в ботинках. Силуан Никифорович не пошевелился даже, когда чистоплотный Кузякин снял с него обувь и накрыл пледом. Спать хотелось со страшной силой, только уснуть сразу не получится. Поэтому молодой жандарм не спеша принял ванну. Заказал в номер завтрак и не торопясь его съел, по ходу читая письмо. Письмо было обычным, личным. Писала его молодая девушка. Эмоциональность повествования, некоторая экспрессивность и тотальная наивность с головой выдавали ее возраст. Писала она грамотно, красиво. Только зачем Николлета дала это письмо ему?

Письмо было пронизано юношеским максимализмом и страстью, но кое-где пробивались трещины – фразы, выдававшие внутреннюю борьбу, сомнения, почти неуловимые нотки страха. Девушка, писавшая эти строки, уже что-то подозревала, уже начинала видеть тени, лежащие на ее безоблачный мир.

Молодой жандарм убрал все листы в конверт и снова положил его в карман сюртука. Затем проверил спящего беспробудным сном врача и улегся спать сам. Заснуть только не удалось. Острая как бритва мысль заставила его вскочить и снова открыть конверт. Аккуратная и малозаметная подпись в крайнем правом углу. Теперь он знал, кто такая Николлета Шаридаз. Только как это все связано?

Ему удалось ненадолго забыться беспокойным тревожным сном. Встал он резко, широко распахнув глаза. За окном был глубокий полдень.

- Почту еще не приносили? - слышалось из приоткрытого окна.

- Нет, конечно. Ее пока проверят, отсортируют. Раньше обеда и не ждите.

Почта! Ему срочно нужно написать письмо.

Он сел за стол и быстро набросал три письма. Носкову и Разуляку – с просьбой проверить кое-какие детали через столичные архивы. И шефу полиции Горска – более пространное, с изложением версий и просьбой о содействии. Все три конверта были толстыми. Информации было много, а времени – катастрофически мало.

Глава 4

Служащий в маленькой почтовой конторке округлил глаза.

- Что это?

- Письмо, - невозмутимо ответил Кузякин.

- Вы здесь роман решили написать? - уточнил он у жандарма, но получил в ответ холодную улыбку.

- Правилами предписано ознакомиться с содержимым вашего послания... - неуверенно начал объяснять он, как на стол его конторы легло еще три пухлых конверта. - Э...mmm...

- Экспрессом утренним, - добавил Пантелей и оставил пару монет.

Служащий пощупал нос, словно хотел поправить очки, которых у него не было.

- Я должен ознакомиться с содержимым, - чуть не всхлипывая сказал он.

- Экспресс придет через 10 минут. Начинайте. Я не заклеивал. И вот еще за марки.

На столе появилась пара медяков.

Уходить из почтовой конторы жандарм не стал. Он коршуном следил за пытающимся увильнуть от проверки служащего.

- Вы страницы пропустили. Наверное, склеились. Вы читайте, читайте. Не отвлекайтесь! Экспресс ждать не будет.

Уходил Кузякин под гневное сопение служащего почтовой конторы, но заветный штамп «проверено» на все свои три письма получил. Уже через два дня, с очередным экспрессом, Носков, Разуляк и шеф полиции получают его послания. Солнце светило особенно ярко. От этого настроение жандарма улучшилось настолько, что он решил задержаться в городе и выпить чашечку чая.

Город жил своей размеренной жизнью. Впервые за долгие недели Пантелей чувствовал себя живым. Кто бы мог подумать, что ночное происшествие настолько взбодрит?

Жандарм нахмурился. Надо бы провести травницу. Мало ли? Путь неблизкий, ночь, женщина пожилая.

- Опять за мазью пришел? - усмехнувшись уголком губ, спросила Николлета.

- Если у вас есть для бодрости.

Женщина снова хмыкнула. На стойке появился маленький флакончик.

- Помазать виски и за ушами. Бодрость гарантируется.

- Надолго?

- Спать по ночам надо, чтобы бодрости хватало надолго, - больше по привычке проворчала она. - А эта притирка даст эффект минут на 10.

Целых 10 минут от какой-то притирки! Такого эффекта он точно не ожидал.

- А для сна? - полюбопытствовал он.

На прилавке появился второй флакон. Такой же маленький, но в плоской банке.

- Засыпаешь как младенец через 15 минут. Пользоваться не больше недели.

- А потом? - заподозрил неладное жандарм.

- А потом мазь закончится и придется покупать заново.

- И все? - не поверил ей Кузякин.

- И все. И привыкнешь. А так все.

Пантелей готов был прищурить глаз и спросить, к чему и почему он привыкнет, но вовремя рассмотрел в глазах пожилой женщины смешинку и какое-то ожидание.

- Как вы доехали? - расплачиваясь, спросил он.

- С ветерком.

Николлета была крепким орешком и точно не собиралась ему помогать.

- И все же у меня в голове не укладывается, как графиня Шереметьева вдруг стала Николлетой Шаридаз.

Он прямо посмотрел ей в глаза. Ни испуга, ни паники, ни радости -ничего. Словно он про погоду говорит.

- Жизнь заставила.

Кузякин усмехнулся. В этом он с госпожой Шаридаз был согласен. Жизнь... жизнь -штука интересная и может такое закрутить, что никакой роман не выдержит.

- Графиня,..

- Не графиня, - перебила она.

- Вы мне передали свое письмо, - ровным голосом продолжал Пантелей. - Вы хотели, чтобы я понял, кем вы являетесь на самом деле. Так зачем сейчас темнить? Зачем эти игры?

- Это не игры, - так же спокойно возразила она. - Я Николлета Шаридаз, травница местного курорта. Как я стала ей и какой путь пришлось пройти, уже не важно. Но... - она замолчала, подбирая слова. - Возможно, я бы рассказала тебе свою историю, если бы дело касалось только меня, но здесь замешано много людей. Важных и ценных для империи людей.

- Тогда зачем? - удивился жандарм.

- Я не могу рассказать, но ты, - ее палец указал на Кузякина, - ты можешь сам все узнать. Надо только сопоставить факты многолетней давности и...

Она поманила его ближе к себе. Пришлось наклоняться. Когда левое ухо жандарма оказалось у самых ее губ, она очень тихо, словно выдохнула, сказала:

- Одна подмена, всего одна подмена. Не мудри.

Затем травница легонько хлопнула его по макушке и оттолкнула.

- С этим надо разобраться. Рипа в опасности. Кто-то из ее давнего прошлого, - с этими словами она передала ему пакет с покупками и взглядом указала на дверь.

Она снова отгородилась стеной молчания, но теперь Кузякин понимал – за этой стеной не желание скрывать правду, а страх. Страх, который они обе несли в себе долгие годы, и который теперь, на закате жизни, снова настиг их.

Пантелей сидел в уютном кафе и невидящим взглядом смотрел на улицу.

Он перебирал в уме все, что узнал. Архивные данные о гибели рода Шереметьевых. Письмо юной Ники, полное скрытых тревог. Слова Николлеты о «подмене». И главное – покушение на Агриппину. Все это звенья одной цепи. Оставалось найти то самое слабое звено, которое приведет его к правде, спрятанной сорок лет назад.

Мысли его были тяжелы и неспешны. Он представлял себе юную девушку – Нику Шереметьеву, которая писала пламенное письмо, еще не зная, что ее мир вот-вот рухнет. Она уже что-то чувствовала, подозревала, но не могла понять масштаба заговора. А теперь, спустя десятилетия, этот заговор снова поднял голову. Но почему сейчас? Что изменилось?

В архив ему хода нет. Тот далеко, в столице, да и зачем действовать топорно? Беркендорф заставлял своих курсантов развивать память. Выучить за 15 минут половину книги? Легко. Сопоставить факты многолетней давности? Можно. Какой давности? Какие факты? Он крутил ложку, ловя ее начищенным боком блики солнца.

- Вам что-нибудь еще принести? - участливо спросил официант.

Кузякин ослепительно улыбнулся.

- Кашу.

- Гречневую, пшеничную, пшенную, овсяную, на молоке?

- Перловку с двумя кусочками масла. Горячий черный чай с зажаренным хлебом без масла и сахара и смородиновое варенье.

Официант коротко кивнул и убрал чашку с остатками чая.

Заказ ему принесли через 40 минут. Повар оказался мастером своего дела. Каша была рассыпчатой с хорошо проваренными зёрнами, хлеб поджаренный снаружи и мягкий внутри,

чай ароматный, а про варенье и говорить не стоит. От одного взгляда на креманку текли слюни. Жандарм положил первый кусочек масла в кашу и несколько секунд наблюдал, как тот постепенно тает. Второй он разделил на двое и стал намазывать тонким слоем по хлебу. Все его движения были плавные и размеренные. Люди, проходящие мимо, невольно задерживали на нем взгляд и парочка зашла в кафе, чтобы повторить его заказ.

Простые и размеренные движения помогали структурировать мысли, которые потоком неслись в его голове.

Он мысленно вернулся к архивам. Лихорадка... Слишком удобная маскировка для серии убийств. Но кто мог иметь доступ одновременно и к императорской семье, и к роду Шереметевых? Кто-то из ближайшего окружения. Кто-то, кому доверяли безгранично. Денщик? Но он, по словам Николлеты, погиб. Или нет?

А подмена... Что имела в виду травница? Подмена личностей? Агриппина и Николлета поменялись местами – это ясно. Но была ли еще одна подмена? Возможно, ключ кроется в том самом «наследнике», которого они спасали.

Он вспомнил странную фразу Агриппины: «Нас было четверо, знавших тайну наследника». Четверо: Ника, Агриппина, денщик и... «один милый криминальный элемент» – Полкан. Но денщик, по их словам, мертв. Полкан исчез. Остались они две. И теперь кто-то методично устраняет последних хранителей тайны.

- Послушайте, я не хочу вашей каши. Дайте мне бутерброд! - ввинтился в его размышления чей-то голос.

Через два столика от него возмущалась девица. Обычная. В ней не было ничего примечательного. Обычная внешность. Обычный нос, обычные глаза, обычные волосы. Если бы у нее зубы выпирали или нос свисал клювом, то это привлекло бы внимание, а так... обычная.

- А еще говорят, что у них сервис! Сервис у них нукудышний! Согласны? - она впиалась своими глазами в Кузякина.

Пантелей сдержался, чтобы не поморщиться. Обычная истеричка. Плохо, что нацелилась на него. Теперь будет искать либо его поддержки, либо спустит на него всех собак. Он равнодушно отвернулся.

- Хам! - донеслось до него.

Девица продолжала бубнить, но молодой жандарм уже не обращал на нее внимания.

Его мозг продолжал работать. Почему покушение именно сейчас? Что спровоцировало убийцу? Возможно, его собственное появление на курорте? Или что-то еще? Возможно, кто-то из старых врагов узнал Агриппину. Или... мысль заструилась ледяным ручейком... или сам «наследник», которого они спасли, теперь во власти и решил устранить последних свидетелей своего прошлого? Но тогда зачем убивать Агриппину? Она же его спасала. Если только она что-то знала. Что-то такое, что могло скомпрометировать его даже сейчас.

Он вытащил из нагрудного кармана письмо.

«Мой дорогой друг! Тебе не стоит беспокоиться обо мне и моем комфорте. Привычные ранее безделушки, которых я сейчас лишена ничто по сравнению с тем, как я страдаю от разлуки с тобой. Не стоит напоминать о том, как глупа и ветрена я была, привязывая свое бытие к этим бесполезным вещам. Увы мы понимаем всю ценность нашей жизни, только когда лишаемся чего-то. Я потеряла многое, но не все! Сейчас я тешу себя надеждой, что скоро все закончится и ты сможешь приехать и забрать меня. Мы уедем, как и мечтали, подальше от столицы. Будем жить простой жизнью. Ты будешь учить сельских мальчишек грамоте, а я буду помогать тебе. Да, ты никогда не говорил об этом прямо, но сердце видит! Твой мимолетный вздох, твой взгляд и будто случайные касания - все это сказало мне много больше! Увы, я не могу покинуть сейчас имение. Много дел, которые надо завершить. Много людей, которые зависят от меня. Не смейся! Ты считаешь меня глупенькой романтической барышней. Я знаю. И да, я иногда бываю такой, но если от меня зависят другие...».

Кузякин поморщился. Восторженная и влюбленная девушка в письме никак не вязалась с прямой и циничной Николлетой. Судя по всему, письмо писалось после кончины родственников, а значит их смерть не стала тем потрясением, которое изменило Нику Шереметьеву до неузнаваемости. Тогда что?

Он снова углубился в чтение. Застилающая глаза влюбленность, максимализм и наивный фатализм соседствовали с здоровыми рассуждениями и местами адекватной оценкой ситуации. Молодой жандарм потерял глаза. У молодой Ники-Николлеты имелся здравый смысл, рассудительность, сила воли, если это не касалось объекта воздыхания. По отношению к нему она становилась дура-дурой. У него неприятно засосало под ложечкой. Знакомые манипуляции. Кто-то очень хотел задурить юной барышне голову. Задурили топорно и... эффективно. Будто хотели ее от чего-то отвлечь. О чем или о ком писала графиня Шереметьева в Тайную канцелярию? Ему нужен архив Тайной канцелярии!

Он отложил письмо. Ответы были не здесь. Плохо, что ему нет хода в столицу. Значит, надо искать другие пути. Нужно заставить кого-то из них – Агриппину или Николлету – говорить. Но как пробить эту стену молчания, которую они возводили сорок лет?

Он посмотрел в окно. Солнце уже клонилось к зениту. Пора возвращаться в санаторий. Возвращаться к Агриппине Ивановне и разговаривать старушку. Ему нужно получить ответы. Иначе следующее покушение может оказаться успешным.

Он расплатился и вышел из кафе, чувствуя тяжесть предстоящего разговора. Но вместе с тяжестью было и странное предвкушение охоты – она взял след.

Глава 5

- Сокол, а ты чего такой грустный?

Агриппина Ивановна радовала ясным сознанием, привычным сарказмом и хорошим настроением. Хотя последнее весьма сильно напрягало Кузякина.

- Не смотри на меня, как купец на графа, - бывшая первая фрейлина театрально выдержала паузу. - Не спросишь почему?

Пантелей пожал плечами.

- А все потому, что граф титул имеет, а не денежки. Поэтому купец смотрит на графа с матерным выражением, а послать того не может - титул!

Молодой жандарм продолжил вопросительно смотреть на женщину.

- Вы закончили? Тогда перейдем к сути.

Взгляд фрейлины забежал, затем она картинно закатила глаза и взмахнула руками.

- Дурно что-то мне. Зови лекаря. - Жандарм не двинулся с места. - Дурно! Ты чего сидишь? Ждешь когда околою? Вот она черная неблагодарность! Я его под покровительство взяла от поползновений всяких оградила, а он лекаря лениться позвать?

Пантелей спокойно ждал. Старушка с удивительным энтузиазмом разыгрывала сцену из бульварного романа еще минут пять.

- Еще раз спрошу: вы закончили?

Агриппина обиженно засопела.

- Ирод чернявый. Давай, задавай свои вопросы.

Кузякин про себя усмехнулся, хотя внешне оставался беспристрастным. Старая интриганка всячески пыталась перехватить контроль над ситуацией: сначала топорно и в лоб, потом более хитро. Но все равно было нечто, что не давало Кузякину расслабиться.

- Вы испугались и испугались сильно. Поэтому назвали единственного человека, которому доверяете. - В глазах бывшей фрейлины промелькнуло ехидство. - Доверяете. Но вы с Николлетой такого тумана напустили. Я не спрашиваю зачем. Я спрошу кто вы?

На пухлом лице Агриппины застыло выражение снисхождения напополам с удивлением, но под которыми отчетливо проступал страх.

- Паника плохой советчик, - устало произнес молодой жандарм. - Вы дали мне все ключи к разгадке, поэтому давайте сэкономим всем время и усилия: просто расскажите кто вы и зачем нужна была эта подмена.

На лице женщины отчетливо проступали морщины, они словно заострились и стали резче, глубже.

- Не верите, - правильно расшифровал Кузякин молчание старушки. Он достал из кармана пиджака письмо. - Это мне передала госпожа Шаридаз сразу, как оказала вам всю необходимую помощь. Она хотела, чтобы я узнал кто она. Видимо ее связывает молчанием какая-то клятва или присяга о неразглашении. Прямо рассказать она не могла и поэтому выбрала такой запутанный способ. Госпожа Шаридаз обладает острым умом и хорошей выдержкой. Я не заметил в ней тщеславия или ностальгии по былым временам. Но она обеспокоена. Вы - причина. Госпожа Шаридаз - в прошлом графиня Ника Шереметьева, сказала, что была одна подмена. Очевидно, что раз наследная графиня стала обычной травницей, значит бывшая фрейлина... - он многозначительно замолчал, - поэтому кто вы?

В его голосе не было упрека, только холодная констатация фактов. Он смотрел на нее не как на старую интриганку, а как на ключевого свидетеля по делу, которое тянулось десятилетиями.

На лице немолодой женщины появилась кривая усмешка. Она пошарила рукой за матрасом и достала сигарку. Это была не утонченная сигарета, которые курили дамы высшего света. Нет. Это была самокрутка.

- Быстро ты... хотя ты же ищейка Беркендорфа. - Она засмолила вонючую сигарету и с наслаждением затянулась. - Сорок лет...хранила эту самокрутку как напоминание.

Перед ним предстала на миг не придворная дама, а человек с городского дна. Слова были грубее, интонации проще. Выдержка, которую она возводила сорок лет, дала трещину.

Она сделала глубокий вдох и тут же выдохнула дым. Потом неторопливо затушила ее в блюдце.

- Я была марухой одного из мелких авторитетов столицы. Меня подсидела мелкая гадина. Она была жадной до власти и денег и очень глупой. Влезла в авантюру и втянула Белесого. Жаль его. Неплохой был авторитет. Жернова большой политики перемололи его.

- Ближе к теме, - сухо произнес Пантелей. Его порядком утомила предистория, в которой он пока не видел ничего важного.

Агриппина Ивановна хмыкнула.

- Прости, сокол, без пафоса уже не могу. Потерпи и получишь всю подноготную.

- Тогда с самого начала. Кто вы?

- Позволь представиться, по паспорту Анна Григорьевна Грушева, погонялово Анка-груша. Была любовницей мелкого авторитета. В один из не самых прекрасных дней я узнала, что Белесый решил дать мне отставку и подсидела меня гадина, которую я пригрела на груди, подобрала на улице, обогрела, отмыла, откормила, от посягательств защитила, чтобы однажды она сама залезла к Белесому в постель. Не буду утомлять описанием своих переживаний, метаний. Я шла к Белесому поговорить. Что-то странное начало твориться на районе. У меня есть талант ходить беззвучно. Подошла к двери и услышала скандал. Белесый орал на новую пассию. Он был в бешенстве. Даже мне стало страшно от его криков, а я видела его в разных ситуациях. Он всегда сдерживал свою злость. А тут его проняло. Зато я все узнала из первых рук: и как она его соблазняла, как подставляла меня. А еще я поняла, что гадина рассказала ему не все и самое главное скрыла. Она влезла в похищение человека. А у Белесого был принцип - никаких похищений! Особенно детей. Я быстро сообразила кого она собралась выставить виновной и поспешила к себе. В моем шкафу сидел подросток. На вид лет 14. Глаза большие, руки связанные, кулачки сжатые, напуганный, но не сдавшийся. Я развязала его и предложила идти за мной и он пошел. Без криков и требований объяснить или вернуть. Все это было очень странно, но времени разбираться не было. Чтобы спасти себя и уйти от подозрений, нужно было спасти ребенка. Я не знаю почему, но подросток доверился мне и спокойно спрятался в погребе, дождался меня ночью, выслушал свои перспективы, все обдумал и согласился на мой план с небольшим дополнением - я уйду одна через пару дней, а он бежит сейчас. В принципе, меня все устраивало. Я не при чем. Ребенка вытащила из лап гадины, а как он доберется до нужного ему места или человека - не моя головная боль. Спустя несколько дней я "узнала" о своей отставке. Разыграла скандал. Хлопнула дверью и ушла. А дальше началось самое интересное: меня пытались переманить конкуренты Белесого, какие-то неприметные личности следовали за мной по пятам, несколько раз предлагали бесполезную работу за большие деньги. Но и я не промах была. Сразу смекнула, что всех их интересовали дела моего бывшего любовника. Спустя месяц, когда я думала что все успокоилось, ко мне заявились головорезы и приставили нож к горлу, требуя вернуть украденное. - Она машинально потеряла левый висок. За седыми кудельками скрывался шрам: тонкий, выцветший, но характерный. Такие следы оставляет раскаленное железо. Ее пытали - понял жандарм. - В ту ночь Анка-груша умерла.

Она говорила ровно, без эмоций, как будто рассказывала о чужой жизни. И в каком-то смысле это так и было - той жизни больше не существовало.

Агриппина Ивановна подняла на Пантелея глаза.

- Меня нашла Ника с нашим найденышем. Ты знаешь почему пропала Ника? Она спасала последнего наследника правящей фамилии. Тот подросток оказался единственным выжившим. Императорская семья была отравлена. Их специально заразили той пакостью и вместо лечения давали новые дозы вируса. Заподозрили неладное слишком поздно. Тогда император с императрицей приняли решение спасти хотя бы одного ребенка. Никто не знал, что один из детей переболел накануне лихорадкой. Эту информацию скрывали. По чистой случайности он не получил заражение, но из-за слабости и плохого самочувствия отравители были уверены в обратном. Правящая чета могла доверять полностью только денщику императора и потомкам первого советника, которого отравили чуть ранее.

- Как ранее? - перебил Кузякин. - Советник умер позже.

Бывшая фрейлина хмыкнула.

- И этот факт скрыли. Ведь благодаря смерти советника император заподозрил заговор. Официально советник был отправлен в загородный дом. Но там жил его сын, который создавал видимость существования своего отца. Он даже племяннице ничего не сказал. Она узнала в письме, которое он отправил ей накануне своей загадочной смерти. Ника нарочно целый год писала в Тайную канцелярию с требованием расследовать причины смерти дедушки и дяди. Она превратила свою корреспонденцию в письма наивной и немного экзальтированной девицы. Каждый день канцелярия получала ее послания. Если в начале там была логика и рассуждения с примесью эмоций, то в дальнейшем эмоции и отсутствие логики. Она замечала следы, ведь наследник с денщиком находился в ее имение. Но скоро их следы были обнаружены и они снова бежали. Решились скрыться в столице. Только кто-то из окружения графини их сдал. Наследника похитили прямо на улице. Денщик получил удар по голове. Ника искала их долго и упорно. Я не спрашивала, как императорский наследник, выросший во дворце, окруженный любовью и заботой своей семьи смог выжить на улицах, найти Нику и привести ее ко мне.

Она замолчала, и в этой паузе висело недосказанное – ужас тех дней, страх, отчаяние. Две женщины из таких разных миров, объединенные одной тайной.

Она подняла на него глаза. В них сквозила усталость.

-Ты прав. Я доверяю Николлете. Она спасла мне жизнь.

Пантелей кивнул.

- Отлично, но к чему вся эта история многолетней давности?

Агрипина Ивановна хищно и немного обреченно улыбнулась.

- Меня нашли.

Кузякин медленно выдохнул через нос. Боже мой, что за бредовая ситуация! Найти бывшую фрейлину Ее императорского величества на закрытом курорте - и что? Кто-то из обиженных ею или... раздражение пропало без следа. Кто-то признал в острой на язык старушке маруху Белесого!

- Теперь понимаешь? Нас было четверо, знавших тайну наследника. Мы поклялись хранить ее. Денщик так и не оправился после того удара. Нам нужно было исчезнуть. Но Анкугрушу знали многие, как и Нику Шереметьеву. Поэтому мы поменялись. Я стала дворянкой Агрипиной Ивановной Столыпиной, а Ника превратилась в травницу Николлету Шаридаз.

Она произнесла это просто, как констатацию факта, но за этими словами стояли годы тренировок, постоянного страха разоблачения, жизни в чужой шкуре. Две женщины, навсегда запертые в ролях, которые им не принадлежали.

Молодой жандарм почесал переносицу.

- Кто был четвертым? Вы с Никой и денщик - это трое. Кто четвертый?

Бывшая фрейлина загадочно улыбнулась.

- Ты сможешь выжить на улицах городского дна? - приторным голосом спросила она. - Не просто один денек прогуляться, а скрываться достаточно долго и хорошо, слиться с толпой?

Пантелей мотнул головой.

- Без помощи нет.

Старушка снова противно улыбнулась.

- Кто вам помог?

Она взбила свои седые кудельки, расправила оборки на манжетах и похлопала ресницами.

- Один милый криминальный элемент.

Жандарм усмехнулся.

- Неужели преступник патриот? - решил подыграть он старой интриганке.

Зефирная слащавость моментально слетела с старушки.

- Не перегибай. Тебе не идет. Просто ему было выгодно нам помочь. Он быстро это понял.

Кузякин снова начал чесать переносицу.

- Так может он и сдал? Почувствовал выгоду.

Агриппина задумалась на секунду.

- Это вряд ли. В его интересах, чтобы все оставалось, как раньше. Жизненно важно, - подчеркнула она.

В ее голосе прозвучала такая неподдельная уверенность, что Кузякин на мгновение задумался. Что могло быть настолько "жизненно важно" для криминального авторитета, чтобы сорок лет хранить такую взрывоопасную тайну?

Молодой жандарм задумался. Покушались на бывшую маруху, которая успешно скрывалась сорок с лишним лет. Либо это отвлекающий маневр, либо личная вендетта. При любом раскладе интересная загадка.

- И этот... четвертый, - медленно произнес Кузякин, - он знал о вашей подмене?

Агриппина кивнула, прищурившись.

- Знать-то знал. Только он давно в ином мире. Лет десять как отдал богу душу. Сердце, говорят.

- Вы уверены? - мягко спросил Пантелей. - В его смерти?

На ее лице на мгновение мелькнуло сомнение, но она тут же отмахнулась.

- Уверена. На похоронах была. Сама гроб провожала.

- А может, и не он был в том гробе? - не отступал жандарм. - Вы же сами мастер по подменам.

Агриппина Ивановна резко выпрямилась, и в ее глазах вспыхнул настоящий, неподдельный гнев.

- Ты что такое говоришь?! Полкан никогда бы... - она вдруг осеклась, поняв, что проговорилась.

- Полкан? - Кузякин поднял бровь. - Интересное имя для криминального авторитета. Благодарю вас, Агриппина Ивановна. Теперь у меня есть за что зацепиться.

Он встал, чувствуя, как в голове складывается очередной пазл. Четвертый человек. Полкан. Криминальный авторитет, который помог им скрыться и, возможно, единственный, кроме них, знавший все детали подмены.

И если Агриппина ошибалась насчет его смерти... или если у него были наследники, узнавшие тайну...

Кузякин поклонился.

- Спасибо за беседу. Думаю, мне есть над чем поработать.

Он вышел из комнаты, оставив Агриппину Ивановну в раздумьях. Сомнение, которое он посеял, теперь будет работать на него.

Ему нужно было найти этого Полкана. Живого или мертвого.

Глава 6

Домик травницы выглядел... обыденно. Кузякин недоверчиво покосился на табличку с адресом. Ошибки быть не могло. Либо это и есть домик Николлеты Шаридаз, либо его обманули. Сомнения разрешил стук открываемых ставней, в которых промелькнула седая голова травницы.

- Добрый день! - громко поприветствовал он.

Женщина недоверчиво покосилась на небо, затем на жандарма.

- И тебе того же. Ты за растиркой али настоем?

Пантелей прочистил горло.

- По личному вопросу.

Николлета от удивления вылезла наполовину из окна, да так шустро, что молодой жандарм не успел отшатнуться. Старушка цепко ухватила его за лацкан.

- Белки чистые. Зрочки нормального размера. Ничем подозрительным не пахнет. Ты это чего?

- Э... может вы залезете? Ну или наоборот? В вашем возрасте...

Травница хмыкнула.

- Умеешь, ты, комплименты женщинам делать. Заползай!

Она ловко втянулась вовнутрь. Кузякин озадаченно огляделся. Но найти входную дверь не сумел, все было закрыто плющом, который надежно замаскировал все, кроме окна. Травница с усмешкой наблюдала за его сомнениями. Эта кривая ухмылка заставила его решиться.

- Лихо, - сказала она, когда Пантелей одним ловким движением оказался внутри. - Но можно было и через дверь.

Та, оказалась рядом с окном. Кузякин по привычке вспыхнул от смущения до корней волос, но быстро взял себя в руки. Дверь можно было найти только при тщательном осмотре. Его порядком достали эти игры, проверки на прочность и каверзы от престарелых интриганок.

- Здесь говорить можно или опять будете в словесные шарады играть? - в лоб спросил он.

Николлета хмыкнула, со странной печалью. Мысль, готовая оформиться, испуганной мышью скрылась.

- Здесь... - она пожала плечами. - Можно.

Она оглядела свою скромную обитель – сушеные травы, глиняные горшки, простую мебель. Этот дом был ее кельей, ее убежищем и ее тюрьмой.

Кузякин подошел к креслу, которое уютно притаилось в углу рядом с круглым столиком таким маленьким, что на нем могла уместиться только чашка и маленькое блюдо. Женщина снисходительно наблюдала за ним, затем устроилась рядом на второе кресло.

- Вы рассказали одну историю, Агриппина другую, а письмо вещает третью. При всех своих недостатках и дворцовом прошлом Агриппина Ивановна не тот человек, который умеет напустить тумана. Она умеет молчать, но если заговорит, то выложит все. А вот вы... - он достал письмо. - К кому оно адресовано?

Женщина колебалась. Лицо ее сохраняло иронично-снисходительное выражение, но глаза... Пантелей подался к ней вперед.

- Вы никому не рассказывали про этого человека, так ведь? - проницательно спросил он.

- Вы считаете, что это он выследил Агриппину?

Николлета дернулась.

- Вы считаете, что это из-за вас! - догадался жандарм.

Из травницы словно стержень вынули. Она резко обмякла.

- Больше некому. О подмене знало только три человека.

- Почему три? Было же четыре.

Николлета отмахнулась.

- Денщик государя был плох. Он скончался вскоре.

Кузякин прищурил глаз. Носкова передергивало от его новых "ужимок". Но Пантелей искал себя и свой стиль. Если прищуривание помогает сконцентрироваться, то почему нет? Молодой жандарм отдавал себе отчет, что все эти театральные жесты и мимика - попытка не затеряться на фоне "Наузского мастифа". Чего уж таить, Анхель умело использовал все свои стороны. Рядом с более старшим и опытным коллегой молодому жандарму было неловко порой, но вдали... поэтому прищуривание, хмыканье, драматизм и театральщина. В конце концов, он же на отдыхе!

- Вы видели тело? - зацепился он.

- Что? - не поняла Шаридаз.

- Вы второй человек, который с уверенностью говорит, что денщик был плох. Но ни вы, ни Агриппина не видели его смерти.

Он выжидающе посмотрел на нее. Уверенность двух женщин, что один из хранителей тайны мертв, его настораживала.

- Ну... - Николлета медленно выпрямилась. - А ведь и правда. Мы почему-то решили, что после такого удара ему не выжить и забыли о нем.

- Он знал о подмене? - напрямую спросил жандарм.

- Знал. Он знал обо всем. Мы обсуждали все детали с ним. Полкан, помнится, тогда из-за этого ругался. Мол зачем посвящать лишних людей в план с подменой.

Пантелей мысленно сделал стойку на имя последнего из квартета спасителей.

- Почему вы решили посвятить его в план?

Черты лица бывшей графини заострились. Взгляд стал жестче.

- Я понятия не имею, - медленно произнесла она. - А ведь Полкан был прав, но я настояла. Почему то была уверена, что так надо и так правильно.

- Как с вашей влюбленностью, - тихо добавил Пантелей. - Кто он?

Травница откинулась на спинку кресла.

- Мы познакомились на благотворительном вечере. Я должна была посещать ряд светских мероприятий и такие вечера были частью их. Моя семья была патроном нескольких школ и больниц. На благотворительных вечерах молодые и перспективные учителя, лекари, музыканты могли познакомиться с нужными людьми. Мы искали хороших и надежных людей в наши школы и больницы. Не каждый захочет ехать в провинцию и трудиться ради людей, практически на голом энтузиазме. Там и познакомились.

«Голый энтузиазм» семья Шереметевым хорошо оплачивала.

- Вы сразу его заметили? - уточнил Пантелей.

Она мотнула головой.

- Нет. Нас познакомили... - она задумалась, вспоминая былое.

Кузякин сделал стойку, но спрашивать кто не стал. Позже. Не спугнуть бы откровения графини Шереметевой.

- Он мне не понравился сначала. Лощеный, нос морщит.... А потом, а потом как обухом по голове.

Пантелей согласно кивнул.

- Вас приворожили к нему.

Брови Николлеты взлетели вверх.

- Душа моя, сие есть мракобесие и ересь.

Кузякин закатил глаза. Не сдержался. Не сказать, что эффект ему понравился, но попробовать стоило.

- С вами поработал сенсуит. На вас было оказано воздействие топорное и очень сильное с единственной целью - заставить почувствовать сильнейшую и нездоровую симпатию к определенному человеку. Такое воздействие запрещено. Объект воздействия чаще всего сходит с ума.

- Но я в своем уме, - обыденно констатировала она.

- Да. Потому что у вас, как и у других представителей аристократии есть сопротивляемость к внушению, которую ваш дед еще более сильно развивал. Вас можно было "оглушить" лишь раз. А дальше... - Он почесал переносицу, обдумывая мысль. - Объект должен был вести себя так, чтобы вам понравиться. А потом, нужно было поддерживать иллюзию. Поэтому редкие встречи и письма.

Травница качнула головой, то ли соглашаясь, то ли окунаясь в воспоминания

- Мы практически не виделись. В основном переписывались. Обменивались записками. Редко когда удавалось поговорить. Несколько раз были на одних и тех же мероприятиях, но там только взглядами обменивались.

Пантелей ехидно улыбнулся.

- Я тебе настойку от желудка в чай подмешаю, - сбила с него всякую спесь женщина.

Молодой жандарм с трудом подавил желание отодвинуться от нее. Николлета была права: она не графиня Шереметьева. Та девушка давно сгинула в жизненных перипетиях. Он присматрелся к ней. Взгляд прямой и порой жестокий. Говоря о настойке, она не блефовала.

- Как вы выжили? - тихо спросил он.

Она улыбнулась уголком губ.

- Мы сейчас об этом будем говорить?

Кузякину больше всего хотелось узнать перипетии молодой девушки, которая столкнулась с жестоким миром. Усилием воли он заставил себя мотнуть головой.

- Давайте вернемся к вашей влюбленности. Из того, что вы сообщили - вас "пасли". Общение свели до минимума, чтобы раньше времени не прозрели. Но что-то должно было быть еще, чтобы поддерживать навязанную влюбленность. Что? Духи, цветы, стихи, книги, платок? Когда вас познакомили? До или после смерти советника?

Женщина нахмурилась.

- До официального объявления точно. Обычно на такие вечера я сопровождала дядю, но тогда его уже не было. Мне сказали, что он уехал по делам... - глаза ее сузились.

Кузякин ощутил неприятный холодок.

- Вы ведь не будете мстить? - тихо спросил он.

- Мстить? - женщина искренне удивилась. - На месть имела право графиня Шереметьева. Николлета Шаридаз не имеет отношения к этим делам никакого.

Пантелей потер устало глаза. Разговор был сложным.

- Просто помогите мне разобраться во всем и заговорщиков ждет Тайная канцелярия.

Женщина холодно улыбнулась.

- Дело ваше, - устало сказал Кузякин. - Хотите брать на душу грех... - он махнул рукой. Перед ним сидела умудренная опытом женщина. Стоит ли тратить время на озвучивание очевидных вещей? Он вернулся к теме разговора. - Значит вами сразу заинтересовались, как только умер советник, а ваш дядя отбыл в поместье создавать видимость его существования.

Жандарм задумался. Что это значит? В принципе, что было известно давно - заговорщики были среди самых близких и доверенных лиц императорской семьи.

- Почему государь доверил жизнь наследника денщику? Почему был уверен в его верности?

Николлета выгнула бровь.

- Клятва верности, присяга на верность, спасение жизни и так далее.

Молодой жандарм мотнул головой.

- Нет. Это не аргумент. Любую клятву можно нарушить, как и присягу. Особенно, если человек уверен, что его обманули. Долгие годы можно служить верой и правдой и в один момент предать. Бывали случаи, когда человек специально поступал на службу к тому, кого хотел уничтожить, проявляя чудеса храбрости и самопожертвования только ради того, чтобы в подходящий момент вонзить нож в спину.

Травница задумчиво хмыкнула.

- Для восторженного вьюноши ты рассуждаешь на удивление здраво и цинично.

Пантелей ответил такой же холодной улыбкой.

- Мои душевные качества никак не влияют на умственные. В военном училище корпуса жандармерии особое внимание уделяется истории без прикрас и красивых лозунгов. Глупо ожидать от людей восторженного отношения. Когда речь идет об их выживании.

Николлета довольно хмыкнула.

- Понятия не имею, почему ему все так доверяли, - буднично сообщила она. - У меня было письмо дяди. В нем он описал ситуацию и особенно подчеркнул, что доверять никому нельзя. Я и не доверяла. Но денщик... - она развела руки в сторону. - Я не знаю.

Жандарм прищурил глаз.

Архивные записи о Нике Шереметьевой всплыли в памяти: ее дед, первый советник, воспитывал ее лично, развивая не только ум, но и волю, и критическое мышление. Девушка, способная в подростковом возрасте вести сложную двойную игру с Тайной канцелярией, вряд ли была склонна к слепому доверию.

- Вспомните, - настаивал он, - вы, судя по всему, человек с сильной волей и трезвым умом. Ваш дед учил вас многому. Как же вышло, что вы, получив такое предупреждение от дяди, все же позволили денщику стать ключевым звеном в операции по спасению наследника? Что заставило вас, против логики и голоса разума, довериться ему?

Женщина молчала, ее взгляд стал отсутствующим, будто она вглядывалась в давно забытые ощущения.

- Ты прав. Это... это было похоже на ту же уверенность, что и с Черноморцевым. Та же внутренняя, необъяснимая убежденность, что этому человеку можно верить. Будто кто-то... вложил ее в меня.

- Вложил? - Кузякин почувствовал, как по спине пробежал холодок. - То есть вы предполагаете, что на вас воздействовали... и в случае с денщиком тоже?

Теперь картина приобретала новые, пугающие очертания. Если на Нику Шереметьеву действовал не один, а несколько манипуляторов, использующих запрещенные техники, то заговор против императорской семьи и ее верных слуг был куда глубже и изощреннее, чем он предполагал. Возможно, денщик был не жертвой, а частью этого заговора.

Травница хмыкнула.

- Для восторженного вьюноши ты рассуждаешь на удивление здраво и цинично.

Пантелей ответил такой же холодной улыбкой.

- Мои душевные качества никак не влияют на умственные. В военном училище корпуса жандармерии особое внимание уделяется истории без прикрас и красивых лозунгов. Глупо ожидать от людей восторженного отношения. Когда речь идет об их выживании.

Николлета холодно улыбнулась.

- Понятия не имею, почему ему все так доверяли, - буднично сообщила она. - У меня было письмо дяди. В нем он описал ситуацию и особенно подчеркнул, что доверять никому нельзя. Я и не доверяла. Но денщик... - она развела руки в сторону. - Я не знаю.

На чайном столике появился чайник и две чашки. Каким-то непонятным образом все спокойно поместилось на крохотном кружочке стола. Пантелей вдохнул ароматный пар свежесваренных трав.

- Что думаешь делать? - спросила его травница.

- Мне не хватает информации.

Женщина цыкнула.

- Информации у тебя достаточно. Но тебе не хватает правильного ракурса.

Кузякин с удивлением посмотрел на нее.

- Прежде чем ты раскроешь рот, вспомни, что я уже в преклонном возрасте. Одной страшной тайны за глаза хватит. - Она пригубила чай и улыбнулась. - Если понадобится попить чай или настойка от желудочных колик, приходи, но лучше не стоит.

Жандарм закрыл рот и кивнул. Они пили чай в тишине. Удивительно насколько вкус чая не подходил к обстановке: напряженной давящей. В то время, как вкус чая был манящий и легкий. Его бы пить на веранде, закутавшись в плед и встречать рассвет. Когда в чашке осталось жидкости на два глотка, женщина кивнула Пантелею и добавила:

- Тебе пора.

Николлета была удивительной личностью со сложной судьбой. А еще она спокойно и прямо выставляла его вон.

- Прежде чем я уйду, кто он?

Кривая улыбка, в которой словно тенью отразилась юная Ника Шереметьева.

- Учитель французского языка Руслан Александрович Черноморцев, исчезнувший без следа после моего побега.

- А вы?..

- Искала. Не официально, но искала. И, да, сейчас я думаю, что имя не настоящее. Но тогда мне это не приходило в голову. Расспрашивать напрямую не рисковала. Боялась привлечь внимание и привести к наследнику. А теперь вон. Не вздумай следить за мной! Если бы я задумала месть, не привлекла жандарма. Делай свою работу.

Кузякин поклонился и вышел в окно.

Он стоял на улице, чувствуя странную опустошенность. Он получил ответы, но они породили лишь новые вопросы. Руслан Черноморцев. Полкан. Денщик. Исчезнувшие, мертвые или просто скрывающиеся? Кто из них мог выследить Агриппину после стольких лет? Или это был кто-то совсем другой – тот, о ком они даже не подозревали?

Мысль о том, что на Нику Шереметьеву могли целенаправленно и неоднократно воздействовать сенсуиты, меняла всю картину. Это означало, что заговорщики имели в своем распоряжении могущественные ресурсы и действовали с пугающей методичностью. И теперь, спустя десятилетия, они снова активизировались. Но зачем? Что могло спровоцировать их после стольких лет молчания?

Глава 7

Девушка раздражала. Больше всего Пантелею хотелось завязать ей рот и в таком виде отправить на экспрессе в столицу. Она не понимала когда надо остановиться, обижалась на пустом месте, страдала самокопанием и самобичеванием (Киприна назвала бы это самопожиранием), которые неожиданно выливались в злость и агрессию. Девушка Анна Фалеева вызывала только одно чувство - желание избавиться от нее как можно скорее.

Она «прилепилась» к Кузякину, когда он шел в местную библиотеку. Ранее она была в кафе. Это она назвала его хамом. Налетела на него на улице, обрадовалась, представилась и решила, что он проводит ее туда, куда ей надо «потому, что настоящий мужчина так и поступит». Пантелей удивленно вскинул бровь и обошел по дуге, продолжая идти по своим делам. Его снова обозвали хамом. Девушка что-то требовала, а потом молча пошла за ним и гневно сопела. Первый порыв - резко остановиться и потребовать отстать, жандарм задавил на корню. Мысль, что она за ним следит он не отбрасывал. А еще она провоцировала и требовала внимания. Он сосредоточился на деле и забыл о странной девушке через пару минут, погружаясь в размышления.

Его мозг продолжал анализировать новые данные. Если денщик был частью заговора, то его "смерть" могла быть инсценировкой. А если он был под воздействием, то мог быть пешкой в чужой игре. В любом случае, ему нужно было проверить судьбу всех четверых участников тех событий. И начинать следовало с самого загадочного - с Полкана.

Старые интриганки выдавали информацию порционно. Это раздражало. Может снова допросить Агриппину или Николлету? Нет. Травница права. Его визиты к ней уже могли привлечь ненужное внимание. Она назвала имя. Черноморцев Руслан Александрович. Почему ему не нравится оно? Фальшивое? Но почему он так уверен в этом? И все таки, что с письмом? Она его не отправила. Что-то случилось накануне и не дало ей отправить или девушка передумала? Что могло помешать ей отправить письмо? С молодой графиней работали быстро и топорно. Флер от влюбленности выветривается быстро, но не моментально. А значит - предатель в ее окружении.

Он резко развернулся на каблуках, собираясь вернуться и задать вопросы местной травнице. Но что-то врезалось в его грудь. Кто-то.

- Вы вообще смотрите куда идете? - возмущалась настырная девушка.

Пантелей пару мгновений вспоминал кто это и почему возмущается? Затем он пробормотал «извините» и обогнул ее по дуге, возвращаясь на свой маршрут.

- Почему вы меня игнорируете? - обижено крикнула она.

- Потому что вы истеричка и вам нужно найти объект для слива своих эмоций. Негативных. Таким образом вы компенсируете себе недостаток внимания и внутренней гармонии. Я не хочу, чтобы на меня сливали что-либо. Всего хорошего.

Девушка вылупив глаза потрясено молчала. Молодой жандарм пошел дальше. Да, грубо и наверное жестоко, но лучше сразу обозначить границы, чем потом страдать от своей деликатности. Девушка была чересчур подозрительной, но именно поэтому не вызывала серьезных опасений. Да, ее могли использовать. Наблюдение и анализ все расставят по своим местам.

- Вы... Вы... - сзади послышались всхлипы.

Кузякин поморщился. Он ненавидел женские слезы. Люто. А все потому, что они заставляли вопреки всем доводам рассудка помогать той, что лила их. Надо поскорее уходить. Но всхлипы прекратились и он услышал за своей спиной шаги. Девушка с упрямством осла шла следом. Нет. Идти к Николлете не стоит. Ему нужно обдумать все в тишине. Он снова резко развернулся. Девушка неловко крутанулась и едва не упала.

- Зачем вы преследуете меня? - тихо спросил Пантелей.

Она вздернула нос.

- Потому что я не знаю город, а вы здесь давно. Я видела вас на почте. Мне надо в библиотеку.

Кузякин поднял вопросительно бровь.

- А вы идете туда! - выдала она.

Он слегка повел плечом и молча продолжил свой путь. Это ее нервировало.

- Вы... скажите что-нибудь? - не выдержала она. - Ну же! Да, я слышала как вы разговаривали с посыльным и спрашивали про библиотеку. А мне туда очень надо. А еще у меня нет денег на извозчика. Пожалуйста, помогите дойти до библиотеки. Я очень плохо ориентируюсь.

Она прикусила щеку.

- Зачем?

- Что зачем? - не поняла она.

- Зачем вы меня преследуете?

- Мне нужна карта города и его окрестностей. А она доступна только в читальном зале городской библиотеки. Мне... мне надо.

Пантелей мотнул головой и пошел дальше.

- Вы... вы мне поможете? - донеслось до него. - Вы... вы... - позади послышались всхлипы.

- Переигрываете, - негромко сказал он.

Он отметил про себя, что ее настойчивость выходит за рамки обычной назойливости. Слишком целеустремленно, слишком навязчиво. Возможно, она действительно кем-то направлена. Или у нее свои причины интересоваться картами местности. В любом случае, им не по пути.

Он шел по улицам города и думал. Библиотека встретила его запахом книг и приглушенными звуками. Молодая женщина приветливо улыбнулась ему за стойкой.

- У вас тут людно, - констатировал жандарм.

- Да. Что вы хотели?

- Подборку газет за прошедшие два месяца.

Библиотекарь кивнула, записывая что-то. Скоро Кузякин шел с формуляром-пропуском внутрь собрания книг, газет и людей, которых оказалось на удивление много. Краем слуха он услышал голос девицы Анны Фалеевой, которая спрашивала про карты города. Ему удалось найти глухой закуток, где он смог все спокойно обдумать.

Разложив перед собой газеты, он искал любые упоминания о происшествиях, которые могли бы быть связаны с его делом. Несчастные случаи, смерти, кражи - все, что могло быть прикрытием для ликвидации свидетелей. Одновременно он размышлял о феномене Полкана. Криминальный авторитет, помогающий спасти наследника престола. Слишком невероятно, чтобы быть правдой. Если только этот Полкан был кем-то большим, чем просто вором. Может, он был агентом? Или... может, он был тем самым сенсуитом, который работал против заговорщиков?

Возвращался он в санаторий уже вечером, в голове составляя письма Носкову, Разуляку и шефу-полиции. Письмо шефу было своеобразным отчетом Беркендорфу.

Он просил проверить не только Черноморцева, но и всех, кто имел отношение к дворцу в те годы. Особенно тех, кто мог иметь доступ к запрещенным практикам. А также найти любые следы человека по кличке Полкан в криминальных хрониках столицы сорокалетней давности.

Перед ужином он зашел к Агриппине Ивановне. Бывшая фрейлина чувствовала себя хорошо. Женщина жаловалась на скуку, неблагодарность молодого жандарма и лечение местного эскулапа. В общем, вела себя как обычно. Сиделка была при ней неотлучно. Но у Кузякина не проходило чувство, что Агриппина боится.

- Рад, что вы пошли на поправку, - вежливо раскланялся жандарм. - Хорошего вечера.

Он еще раз кивнул дамам и поспешил выйти.

Он заметил, что в комнате появились новые цветы - ароматные лилии. Слишком сильный запах для больной женщины. Возможно, ничего, но его чутье шептало, что это не просто знак внимания.

Ужин прошел скомкано. Постояльцы откушали и разбрелись по своим углам. Никто не скандалил, не шутил и кажется дышали через раз.

- Рагу сегодня пресное, - раздался голос с соседнего столика.

Кузякин посмотрел на говорящего. Это был мужчина в возрасте с военной выправкой, но без мундира.

- Не заметил, - равнодушно ответил Пантелей.

- Обычно здесь играет музыка? - не унимался сосед.

Новенький. Почему Пантелей его не заметил раньше?

- Ваше благородие, вы человек на источниках новый и еще не прочитали правила, - с безупречно вежливой улыбкой обратился к нему возникший ниоткуда метрдотель.

Брови новенького взлетели вверх.

- В ресторане не играет живая музыка? - догадался он.

- Прочтите правила,- посоветовал ему метрдотель и удалился гордой походкой.

- Это шутка какая-то?

- Увы нет, - вздохнул Кузякин. - Прочтите правила. Вам многое станет ясным.

- Это невесть что!

На новенького стали шикать и укоризненно смотреть: кто через лорнет, кто через седые кудельки, а кто с плохо скрываемым ожиданием скандала.

Ему понадобилось немного времени, чтобы взять себя в руки.

- Прошу меня простить.

«И все-таки не военный», - провожая четкий, но мягкий шаг нового постояльца, подумал молодой жандарм.

Манеры выдавали в нем придворного, а не вояку. Еще один гость, чье появление совпало с обострением ситуации. Слишком много совпадений.

Вечер был безнадежно испорчен. Всем не хватало Агриппины. А у его номера с милой улыбкой стояла девица Анна Фалеева.

- Что вам надо? - устало спросил Кузякин.

- Не мне. Вам надо. Вам нужна моя помощь.

- Нет, - отрезал молодой жандарм.

- Бука. Не будьте так самонадеяны. Я вам нужна.

Пантелей медленно повернулся к ней и ослепительно улыбнулся. Он нагнулся ближе. Девица заморгала глазами, дыхание ее стало прерывистым.

- НЕТ! - громким шепотом произнес он ей на ухо.

Воспользовавшись ее замешательством он закрыл дверь своего номера на ключ и ушел в ванную.

Он понимал, что ведет себя грубо, но иного выхода не видел. Эта девушка со своими картами и навязчивостью только отвлекала от главного - поиска того, кто покусился на жизнь Агриппины Ивановны и, возможно, готовил новое покушение.

Девушка прерывисто дышала, продолжая стоять у его двери.

- Ну и молодежь пошла! - возмущался старичок на другом конце коридора.- Так безобразно вешаться на шею юноши.

Анна прикрыла глаза, едва сдерживая клокотавшую внутри нее ярость.

- Зачем так в лоб? - приблизился на расстояние пару метров продолжал поучать старичок.

- Ежели сей молодой человек так нужен, организовать надо компрометирующие обстоятельства и он будет обязан жениться.

Старикан смерил ее оценивающим взглядом.

- Нет. Максимум откупиться.

- Вы... - открыла рот для гневной отповеди девица, но ее перебили.

- Я. Барышня, я. Агриппина Ивановна умело держала всех в тонусе. Но старушка сдала.

Теперь нам скучно.

- Вам? - не поняла Анна.

Старичок мерзко улыбнулся.

- Высшее общество, куда все так стремятся попасть. Нам скучно. А ваши попытки захомутать протеже Агриппины... с моей помощью это будет интересно.

Он снова окинул ее оценивающим взглядом и не попрощавшись ушел.

Девушка мотнула головой. Ее план трещал по швам. Жандарм не проявил джентельменских качеств, не купился на слезы, не заинтересовался загадкой, отказался получать помощь. К тому же ее записали в отчаянные девицы, которые не гнушаются ничем, чтобы добиться своей цели. Она снова мотнула головой. Сам виноват. Не захотел по-хорошему значит будет по-плохому, но она добьется своего.

Старика она нашла быстро. Он расплылся в премерзкой улыбке и велел идти в сад, в дальнюю беседку. Найти пресловутую беседку оказалось не так просто. Ведь беседки как таковой не было. А назвать скамейку с ажурным перилами беседкой у девицы Анны Фалеевой не получалось. Через несколько томительных минут к ней присоединился старик.

- Юлдашев Евгений Александрович к вашим услугам, - чинно поклонился он. - Вы так и будете сиднем сидеть или все же сделаете реверанс и назовете свое имя?

Девушка подавила желание подхватить юбки и бежать без оглядки.

- Анна Фалеева.

- Ни манер, ни воспитания, ни внутреннего стержня, ни очарования - ничего.

Анна готова была задохнуться от возмущения. Этот... этот сморчок...

- И лицо держать не умеет. Из крестьян? Или беглая?- он махнул рукой.

- Я готов отказаться от своей первоначальной затеи. Удивите меня. Зачем вам этот юноша?

Девица Фалеева не сдержала кривой ухмылки. Юлдашев хмыкнул как сытый кот.

- А вот это интересно. - Он постучал пальцами по перилам. - Компрометировать надо жестко и по нескольким направлениям. Чтобы этот белоручка не смог адекватно отбиться. Его надо дезориентировать и оглушить. Пока он будет соображать откуда и от кого прилетел удар, мы его возьмем тепленького. - Юлдашев сыто улыбнулся. - А сезон на источниках обещает быть интересным и продуктивным.

Анна вдруг со всей ясностью поняла, что ввязывается в нечто подлое. Молодой жандарм не заслужил такого. Перед глазами промелькнули картинки прошлого. В уголках глаз стали собираться слезы. Она стиснула руки в кулачки. Нет. Она не станет сейчас поддаваться на глупые переживания. Она добьется своего, а Кузякин... он же один из лучших ищеек Беркендорфа! Вот пусть и проявит чудеса выживания.

Девушка не знала, что в этот самый момент Кузякин, сидя в своем номере, составлял шифрованное донесение. И одним из пунктов в нем была просьба проверить биографии всех новых постояльцев курорта, включая некой девицы Анны Фалеевой. Слишком уж вовремя появились все эти люди. Слишком уж много "случайностей" собиралось вокруг одной-единственной тайны, которую так отчаянно пытались сохранить две старые женщины.

Глава 8

Жандарм Пантелей Кузякин был занят. Он сочинял шифр. Не то, чтобы он сильно был нужен, но... интуиция настойчиво требовала. По правде говоря, Пантелею хотелось отвлечься от неприятных воспоминаний. Девушка... он передернулся... от нее стоит держаться подальше. Было в ней что-то истеричное, а истерики Кузякин ненавидел. Он с сомнением посмотрел на дверь. Малодушная мысль выслушать девушку была им отброшена сразу же. Таким только дай слабинку - им все мало. Результат все равно будет один - они обидятся и, возможно, начнут мстить. Уж лучше раньше, чем позже. Сэкономит время на танцах с бубнами и деликатности. А здесь самый гадюшник. Бывшие высокопоставленные и высокородные персоны, знающие все обо всех, отправленные на отдых или сосланные под присмотр в глушь - они не упустят возможность.

Он взял чистый лист бумаги и начал выписывать имена и связи. В центре – Агриппина Ивановна и Николлета Шаридаз. От них лучи к денщику, Полкану, Черноморцеву. Отдельно пометил нового постояльца, и навязчивую девушку Анну Фалееву. Логика подсказывала, что ключ ко всему – в событиях сорокалетней давности. Но чтобы понять мотив нынешнего покушения, нужно было найти, что изменилось сейчас.

Молодой жандарм с удивлением понял, что Агриппина Ивановна держала этот серпентарий в ежовых рукавицах. Без ее одобрения никто и слова пикнуть не смел. Зато сейчас шакалы почувствовали слабинку жоака. Он тряхнул головой.

Шифр выходил банальным или мудрённым. А главное правило успешного шифра - простота. В простоте кроется сила. Пантелей скомкал бумагу и отбросил ее. В этом деле его раздражало все: старые интриганки, которые цедили информацию по капле, отсутствие мотива и от этого полное непонимание состава преступления. Кстати о последнем: а отравление точно было? Может быть у высокородного общества такие забавы: придумали легенду для наивного жандарма и развлекаются скопом? Нет. Испуг Агриппины Ивановны был настоящим. Да и все те нестыковки, вроде крупных кистей рук отлично вписываются в историю о подмене. С Николлетой тоже все логично. Ей помогли освоиться - тот самый криминальный авторитет «опекал» ее. Что ж ему так «везет» на непонятные преступления? Сначала сенсуиты в Горске, теперь интриганки на источниках. Он снова тряхнул головой. Прочь глупые мысли! Вместо этого он решил упорядочить события на бумаге.

1. умирает советник от лихорадки,
2. от этой же болезни умирает императорская семья. Выжил один наследник,

Он остановился и посмотрел на второй пункт. «Выжил один наследник». Агриппина и Николлета всегда говорили о «наследнике», но никогда не уточняли, кто это был. Сын? Дочь? Племянник? Возможно, в этом кроется разгадка. Если настоящий наследник жив и находится у власти, то кому может мешать старая тайна?

Сложить один и один получится заговор с устранением правящей династии.

3. кому выгодно? «добрым» соседям и «заокеанским друзьям»,

4. наследника прячут. Прячут так, что никто не знает где он. Ведь правит ныне государством то ли троюродный племянник по материнской линии, то ли четвероюродный дядя по отцовской - в общем, седьмая вода на киселе. Нашли каплю царской крови, благородство и ответственность и повесили на него... то есть посадили на трон. Ему сразу и невесту присмотрели из каких-то забытых дворянских семей. Девушка бледная, будто чахоточная была. «Друзья» и «соседи» даже ставки делала, когда она представится. На нее и покушений не организовывали. А императрица вроде и бледная немощь, то есть благородная бледность на лице ее,

а троих наследников родила. До сих пор живет и здравствует. Курорт этот, кстати, ее проект. Она раньше сюда часто ездила, теперь же на морском берегу отдыхать изволит.

Мысль о нынешней императрице заставила его задуматься. А что, если... Нет, это было бы слишком невероятно. Слишком дерзко. Но чем больше он думал, тем больше эта мысль казалась ему единственно логичной.

Молодой жандарм потер переносицу. Что же выходит - наследник пропал? Тогда к чему весь этот сыр бор? Кузякин откинулся на стул. Глупо и бессмысленно. Даже если кто-то из прошлого старых интриганок, захотел свести счеты, слишком уж тонко действуют. Не те люди, не того полета. Здесь «душок» власти и больших денег явственно ощущается. Он снова посмотрел на свои записи. Крайне важным оказалось сохранить наследнику жизнь. Для чего? Чтобы он занял престол. Но престол занял дальний родственник. До сих пор законность его прав на этот самый престол никто не предъявил. Беркендорф опасается, что наследник неожиданно вылезет из какой-нибудь дыры и потребует себе все вернуть? За столько лет не вылез, что же сейчас лезть то? В маразм если только ударился. Кто-то хочет его использовать? Ближе к правде, но все равно глупо.

Пантелей бросил карандаш на стол и нервно выдохнул. Гадость! Политические интриги такая гадость! А по прошествии столько лет... взгляд его снова упал на листки.

5. почему в тайну были посвящены 4 человека? Это многовато для тайны. И такие разные: наследница графского рода, который всегда защищал императорский, бывшая маруха, которой дали отставку, денщик и криминальный элемент. Больше напоминает свору наемных убийц, которые идут за жертвой, следят друг за другом, чтобы получить самим вознаграждение за голову.

Взгляд его снова упал на список. Заговор какой бы давний не был - это по части Беркендорфа. А значит не просто так Кузякина отправили на этот курорт. Старый лис все просчитал. Комар носу не подточит, ведь... Пантелей замер. Медленно, будто резкое движение может прогнать поразившую его мысль, он взял новый лист и написал:

1. мой приезд - 2 недели назад
2. покушение на Агриппину - день назад
3. время поездки от столицы до источников - 2 дня
4. время поездки от Горска до источников - 2 дня
5. почта идет быстрее: до столицы и до Горска 1 день экспрессом.

Молодой жандарм окинул взглядом свои записи. Выходит, что Беркендорф знал о готовящемся покушении на Агриппину и поэтому отправил сюда Пантелея. А значит дело Горска связано с старыми интриганками. Неужели потомок бесславного рода Пэсик и здесь наследил? Взгляд его упал на книгу, которую он читал. Глаза выхватывали из общего потока слова. Они были ничем не связаны между собой, просто в каждом была буква о с нетипичным наклоном. Этот наклон... Кузякин присмотрелся к строкам. Вот оно решение! Пора запросить у графа Беркендорфа подробную информацию.

Он понял, что сражается с тенью. Противник неизвестен, мотивы неясны, а время работает против него. Единственный шанс – сделать неожиданный ход. Нарушить все правила и вскрыть старую рану, которую так тщательно скрывали сорок лет. И для этого ему нужна была помощь извне. Не официальные запросы, которые кто-то может перехватить, а надежные люди, которые смогут действовать быстро и тихо.

По утру почтовый экспресс увозил в Горск и Наузу несколько писем от молодого жандарма. Почтовый служащий скривился от одного вида Пантелея.

- Новую главу написали? Так быстро? - пробормотал он.
- Нет. - Пантелей повел плечом, - пишу друзьям об источниках и погоде.
- Служащий красноречиво посмотрел на 3 толстых конверта.
- Я подробно описываю, - начал оправдываться Кузякин.

В ответ ему кисло улыбнулись.

- Конечно.

- Вы читайте, читайте! Экспресс ждать не будет.

На этот раз его письма были еще объемнее. Носкову и Разуляку он подробно изложил свои догадки о возможном вовлечении сенсуитов и попросил проверить всех, кто имел доступ к запрещенным практикам в те годы. Шефу полиции Горска он отправил детальный отчет с просьбой о срочной помощи. А в отдельном, самом маленьком конверте, было письмо лично для Беркендорфа с самой опасной его догадкой – о возможной причастности к заговору кого-то из самых высоких кругов власти. И конечно, все это было сокрыто среди строк и погоды и описания листы.

Проснувшаяся любовь молодого жандарма к эпистолярному жанру, у его друзей вызвала литературную изжогу и несварение. Носков и Разуляк, получив объемные конверты вначале посмеялись, а потом принялись ломать головы, вычисляя шифр, чтобы прочитать послание. А вот главный жандарм не гадал. Срочная депеша отправилась на курорт сразу же после прочтения. Вез ее особый курьер, особо уполномоченный.

Неделя пролетела быстро. Агриппина Ивановна шла на поправку, светский серпентарий все больше шипел и жалил, но яд выделять не торопился. Девушка Анна Фалеева обвинила Пантелея в домогательствах к своей персоне, чем вызвала гомерический хохот. Юлдашев после этого быстренько собрал вещи и уехал, сообщив, что ему требуется иное лечение. И направился напрямик в столицу. Анна быстро скисла и старалась больше не отвечать, завела какие-то знакомства и больше Кузякина не тревожила. Все это лишь мельком затронуло его интерес. Молодой жандарм ждал писем. Утром седьмого дня в его апартаменты постучали. «Письмо!» - понял он и слитным движением высвободился из плена подушки и одеяла, на ходу одевая халат и приглаживая волосы.

- Доброе утро! - ему ослепительно улыбнулся особый курьер. «Этого не может быть!» - промелькнуло у него в голове и он захлопнул дверь перед ее носом. Пантелей молча смотрел на дверь не силах поверить увиденному. «ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!» Крутилось у него в голове. Лихорадочный круг мысли прервал стук.

- Срочная депеша, - растягивая гласные томным голосом произнесла курьер.

Молодой жандарм сжал дрожащие руки в кулаки и крепко зажмурился. Вдох-выдох. Надо открыть и встретиться с ней глазами. Может это не она и... он резко распахнул двери. На пороге стояла молодая женщина с лукавой улыбкой на губах.

- Ну здравствуй, друг мой. Я уж не надеялась, что ты осмелишься открыть. Не хотелось бы ломать дверь. Пригласишь войти?

Он дёргано кивнул и отошел назад.

- Как ты... как... это...

Она ослепительно улыбнулась вновь.

- Узнаю Пантелемошу, милого мальчика, который дышал идеалами.

От ее слов Кузякин дернулся как от пощёчины.

- Тебе интересно как я жила? Совесть гложет? - она мелодично рассмеялась. Затем махнула рукой. - Шучу. Какая совесть у тебя?

Смех ее казался теперь колким и холодным.

- Депеша. - она протянула Пантелею тубус.

На мгновение их пальцы соприкоснулись. Кузякину стоило невероятных усилий удержать лицо и не отдернуть руку. Зато он успел заметить презрение, промелькнувшее у нее в глазах. Это отрезвило.

- Граф просил оказать тебе всесторонне содействие, - буднично сообщила она. - Так что спрашивай.

Спрашивать не хотелось. Больше всего ему хотелось вытолкать ее из номера и наглухо запереться. Только это не поможет. Прошное настигло его внезапно, как удар ножа в яркий ярмарочный день.

- Как ты? - глухо спросил он.

Она невидяще посмотрела на него и несколько раз моргнула, будто была не уверена в том, что не ослышалась.

- Как я? Это то, о чем ты хочешь спросить? О! Я чудесно. Благодаря тебе я теперь до конца своих дней вынуждена служить Беркендорфу. Он вертит мной как хочет. На кого указал, за того замуж вышла. Сказал ехать в ночь, села и поехала.

Кузякину хотелось закрыть уши. Но он с отчаянным усилием вслушивался в ее голос.

- Не бери в голову. Это я ворчу с дороги. Граф все же не злодей. Муж у меня достойный человек, мы уважаем друг друга, заботимся. Это намного лучше, чем обманутые надежды первой любви. Да и выдергивать граф меня не любит. Впервые сейчас отпустил. Так что я не в обиде. Хотя на твою ошарашенную физиономию смотрела бы вечность.

Она направилась к двери и снова одарила его ослепляющей улыбкой.

- Кстати, теперь я Курсавина.

Брови Пантелея поползли вверх.

- Ккак Курсавина?

Она довольно улыбнулась, и в этой улыбке было что-то неумовимо новое, чужое.

- Позволь представиться - Екатерина Дмитриевна Курсавина. Граф счел, что мое присутствие здесь будет... полезным для твоего воспитания.

Кузякин мотнул головой, чувствуя, как подступает знакомая, гнетущая тяжесть.

«Воспитание». Прозрачный намек. Удар ниже пояса. Беркендорф, конечно, знал. Знает. Всегда знал. Он видел, как она смотрела на него тогда, с надеждой и верой, которые он не оправдал. Он ее подвел, не сумел защитить, и ее судьба сложилась так, как сложилась – брак по воле графа, жизнь, которую она не выбирала. И теперь она здесь, живое напоминание о его провале, о его вине. Призрак его прошлой слабости, присланный ему в назидание.

- Что происходит? - его вопрос отразился от стен. Призрак его прошлого ушла, не хлопнув дверью.

Он остался один, с тубусом в руках и с камнем на душе. Беркендорф прислал ее не как помощь, а как суровый урок: ты виноват. И за свою вину ты должен расплатиться сполна.

Глава 9

Екатерина Курсавина. Когда-то она была Катей Заморкиной, дочерью одного из сотрудников жандармерии. Девушкой она была неглупой, но увлекающейся. Азарт ее губил. Сначала она поспорила, что поступит в военный институт, чтобы служить в корпусе жандармерии. Затем во время учебы умудрилась несколько раз попасть на ковер к директору. Пантелей бы так и не узнал о глупой девчонке, если бы его не назначили ее куратором. Кузякин был в шоке, ведь девчонка, по его мнению, была бедовая. Не смотря на хорошие способности, думать она не умела. А как еще назвать человека, который вместо того, чтобы оправдать оказанное ей доверие (взяли ее по протекции и с испытательным сроком) постоянно вляпывалась в глупые истории. Ну кто в трезвом уме и ясной памяти полезет ночью в кабинет директора, чтобы достать раритетный пистоль. А все ради дурацкого спора. Сначала ее выходки были просто глупыми и раздражающими, затем они стали приобретать масштаб катастрофы. Пантелей тогда готовился быть «тенью». Среди любимчиков Беркендорфа тогда ходил Андрей Курсавин - молодой профессор криминалист. На него граф надыхаться не мог. Все, что Курсавин просил, доставляли по первому требованию. И вот Катенька решила завлечь профессора дабы скомпрометировать его чистый образ в глазах главного жандарма. Кузякин на ее заявление лишь хмыкнул, едва удержался от того, чтобы не покрутить пальцем у виска. Курсавин жил одной наукой. На противоположный пол смотрел с недоумением, граничащим с высокомерием. Женщина в его представлении должна была рожать детей, заниматься хозяйством и не мешать его гениальности работать. Говорят у профессора даже был список качеств к будущей супруге. Заморкина где-то раздобыла его и теперь пылала праведным гневом перед Пантелея. С жаром убеждая того, что Курсавина надо поставить на место.

- Пантелемоша, как ты не понимаешь? - она проигнорировала на то, как скривился ее куратор. - Это же не просто блажь, а профилактика! Надо мозги профессору на правильные рельсы поставить.

- Это какие правильные? - уточнил он.

Катя махнула возмущенно рукой.

- Правильные ... это правильные! А он на всех свысока смотрит и как к козявочкам относится.

- И что? - скучающе спросил Кузякин.

- А то, - она поставила руки на столешницу и в упор посмотрела на молодого человека,

- Мы не козявочки и ставить на нас опыты нельзя!

- Какие опыты? - Пантелей закатил глаза. Девушка стояла слишком близко. От одного ее присутствия у него учащался пульс.

- Пока что никакие и мы его остановим! - дуновение ветра сообщило о том, что девушка отошла. Молодой человек выдохнул незаметно.

Кузякин внимательно посмотрел на свою подопечную. В глазах горит лихой огонь, щеки покраснелись. Ну все, жди беды. Заморкина была прекрасна. Девушка убежала, а будущий жандарм старательно отгонял мысли о влюбленности и доказывал себе, что у него иммунитет после истории с Киприной. Все закончилось неожиданно. Его вызвал к себе сам граф и прямо спросил про Заморкину. Кузякин растерялся и решил, что главный жандарм интересуется причинами ее повышенного интереса к молодому профессору. Пантелей пел ей дифирамбы и старательно обходил любые упоминания о молодом Курсавине. Только Беркендорф все понял правильно. Кузякина отправили во дворец на стажировку. Заморкину отчислили из института. О ее отчислении Кузякин узнал постфактум. Что сказать? Защищал он ее как лев: требовал собрать комиссию, выпрыгивал из тени на Беркендорфа и убеждал его вернуть

девушку, но граф остался глух к его мольбам. Катя пропала. И вот спустя столько лет, она снова появилась в его жизни.

В обеденном зале ощущалось непривычное оживление. Пропала сонная апатия. Солнце светило ярче, звуки и запах были резче. В углу у фикуса раздавался звонкий смех. Курсавина смеялась заразительно. Все были ею очарованы.

- Смотри, сокол, не обломи зубы. Орешек крепкий.

- Агриппина Ивановна, - с теплой улыбкой повернулся к ней молодой жандарм. - Как же я рад видеть вас на ногах.

Она лукаво улыбнулась.

- Больше чем, эту молодую и красивую прелестницу? - она качнула головой в сторону. Они молча смотрели на то, как она вертит окружающими мужчинами, словно слепыми котятками.

- И не поверишь, что это опытные царедворцы, - пробормотала себе под нос бывшая фрейлина. - Хотя их можно понять, из нее жизнь бьет ключом.

- Ключи разными бывают, - добавил негромко Кузякин. - Не все полезны для здоровья. Агриппина Ивановна удивленно посмотрела на него.

- Ты ли это, сокол мой? Откуда столько цинизма?

- Это реализм, - он подвел ее к столику и помог сесть.

Разговоры стихли. Агриппина смотрела куда-то за его спину. Пантелей глубоко вздохнул и поднял бровь в немом вопросе, в глубине души молясь, чтобы это была не его давняя знакомица.

- Позвольте к вам присоединиться? - звонким голосом спросила Курсавина.

«Не помогло», обреченно подумал он.

- Вы удивительно свежи, - окинула ее оценивающим взглядом бывшая фрейлина.

- Простите? - Екатерина нахмурилась.

- Вы же только сегодня утром приехали? А порхаете словно бабочка. Вид свежий и отдохнувший.

Курсавина широко улыбнулась.

- Молодость. А еще целебный воздух источников.

Агриппина Ивановна широко ухмыльнулась, заставляя девушку нервничать. К ним подошел официант и что-то шепнул Екатерине на ушко. Та невидяще на него посмотрела, но работник ресторана уже мягко взял ее за локоть и отводил в сторону столика перед окном.

- Она действительно так наивна или это наглость? - не отрывая взгляда от молодой женщины спросила старушка.

- Несколько лет назад я бы сказал «наивна», сейчас ставлю на то и другое.

Агриппина довольно всплеснула руками.

- Очаровательно. Будет чем отвлечься. Что у нас на завтрак?

«Будет чем отвлечься»? Пантелей сжал на мгновение ложку. У них тут древний мститель нарисовался, а она «будет чем отвлечься»? Мало ему было старых интриганок и малохолдных девиц, так Беркендорф прислал еще и Заморкину/Курсавину?! Складывается ощущение, что главный жандарм всеми силами мешает расследованию. Кузякин замер.

- Сокол, а сокол, ты чего это обиделся? Не замечала за тобой такой тонкой душевной организации.

Он тряхнул головой.

- Что вы, Агриппина Ивановна, задумался. Так о чем вы говорили?

- Говорю, что девочка сидит надувшаяся, как мышь на крупу. Не понимая, что ее практически в центр посадили. Самое лучшее место в ресторации санатория выделили. На тебя гневные взгляды кидала, а ты замер и невидящим взором смотрел вдаль. Сейчас она кашу

нашего повара пробует, - комментировала фрейлина. - Молодец! Даже не скривилась. От каши из овса на воде и без соли у всех кислая морда лица образуется. А она удержала.

Старая интриганка долго посмотрела на молодого жандарма.

- Значит фарс и хорошо отрепетированный, - ровным голосом отметил Пантелей, приступая к своей яичнице из 4 яиц.

Агриппина сглотнула от вида его тарелки и грустно посмотрела на свою. Там была та же каша с ломтиком яблока, присыпанного корицей - особое расположение повара к бывшей фрейлине. Остальные давились кашей без соли и масла.

- И почему, сокол, твой завтрак...

- Не начинайте, - тихо оборвал ее Кузякин. - Вы сами все понимаете. Приятного аппетита. Завтрак закончился на удивление тихо и спокойно.

- А теперь мы идем к фонтанчику, - припечатал Пантелей.

Он протянул руку бывшей фрейлине. Ловким, но главное изящным движением он выдернул ее из-за стола.

- Вам обязательно надо ходить. Ежедневный моцион - доктор прописал.

Агриппина скривилась.

- Вот пусть сам и ходит. Сокол, ну какой моцион? Я едва на ногах держусь. Смилуйся!

- Моцион. Ежедневный. Силуан Никифорович особо просил меня проследить. Поэтому идемте. Сегодня я вас сопровождаю.

- А завтра? - правильно уловила его мысль женщина.

- А завтра, если найдете достойного сопровождающего, то с ним. Я буду идти медленно. Бывшая фрейлина фыркнула.

- Ты и медленно?

Кузякин расплылся в самой слащавой улыбке, на которую был способен.

- Я буду очень стараться.

- Фу, - тихо проговорила она, - аж зубы свело. Ну веди.

Со стороны они были похожи на бабушку с внуком, который выгуливает престарелую родственницу. Родственница то ли горячо любима, то ли владеет большим наследством.

- Что ты хотел выяснить, сокол? Это так срочно, что ты решил действовать топорно?

- Немного терпения, уважаемая Агриппина Ивановна. У фонтанчика нашим последователям будет удобно нас подслушивать.

- Фу, какой-то стал скучный. Где же восторженный мальчик, который уважал старушку просто в силу ее возраста?

Кузякин улыбнулся.

- Мальчик вырос.

Бывшая фрейлина печально вздохнула.

- Грустно.

- Вашими стараниями, - не удержался от шпильки он.

Но Столыпина не ответила.

Фонтанчик целебного источника находился в конце аллеи. Добраться до него можно было с разных уголков. Пантелей выбрал путь через тенистую арку - место где живая изгородь создает спасительную тень. Изгородь стоит с одной стороны, открывая обзор на гуляющих. Отличное место поговорить без лишних свидетелей. Женщина поняла маневр жандарма и в нужный момент потребовала остановки.

- Слушаю, - обмахиваясь веером, спросила она.

- Почему Ника была Шереметьевой, почему не взяла фамилию отца?

Старушка едва поморщилась, но послушно ответила.

- Ее дед заключил договор с ее родителями. Нужен был наследник рода. Если бы родился еще один ребенок, мальчик... а так она наследница рода была.

Пантелей кивнул.

- Кем был ее отец? Как его фамилия?

Агриппина сморщилась. Ей не хотелось отвечать. Кузякин не давил, давая возможность ответить добровольно. Бывшая фрейлина снова поморщилась. Она была опытной в придворных интригах и понимала, что информацию у нее выведдают тем или иным способом.

- Дальний родственник императора. Он подписал отказ от престола за себя и своих потомков. Но когда от лихорадки умерла императорская семья, кабинет министров рассматривал Нику как преемницу престола по отцовской линии. Она этого не хотела. После смерти ее родителей, граф рассказал ей обо всем и показал документ. Он обрисовал ей перспективы, но она выбрала быть его наследницей. Наотрез отказалась ехать во дворец, хотя император настаивал. Каждый год к ним в поместье приезжал курьер с письмом от императора, где задавался один вопрос: да или нет? Подчеркнуть нужное. Если да, то ее тут же забирали во дворец. Она всегда выбирала нет.

- А когда император умер? - молодой жандарм подставил свой локоть, чтобы женщина могла на него облокотиться. Агриппина в отместку навалилась на него всем весом. Пантелей накренился, но устоял.

- В корень зришь, - тихо и как-то злобно произнесла она. - Императорский приказ никто не отменял.

- Приехал? Кто?

На него смотрели с бессильной яростью.

- Денщик государя.

- Он приехал один?

- С пажом.

Кузякин почувствовал, как пазл наконец-то начинает складываться. Денщик с пажом. Паж, который оказался наследником. И императорский приказ, который все еще действовал. Значит, Ника Шереметьева была не просто наследницей рода, но и потенциальной претенденткой на престол. И ее отказ был не просто блажью, а сознательным решением, которое кому-то очень мешало. И теперь, спустя десятилетия, кто-то решил убрать последних свидетелей того старого заговора.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.